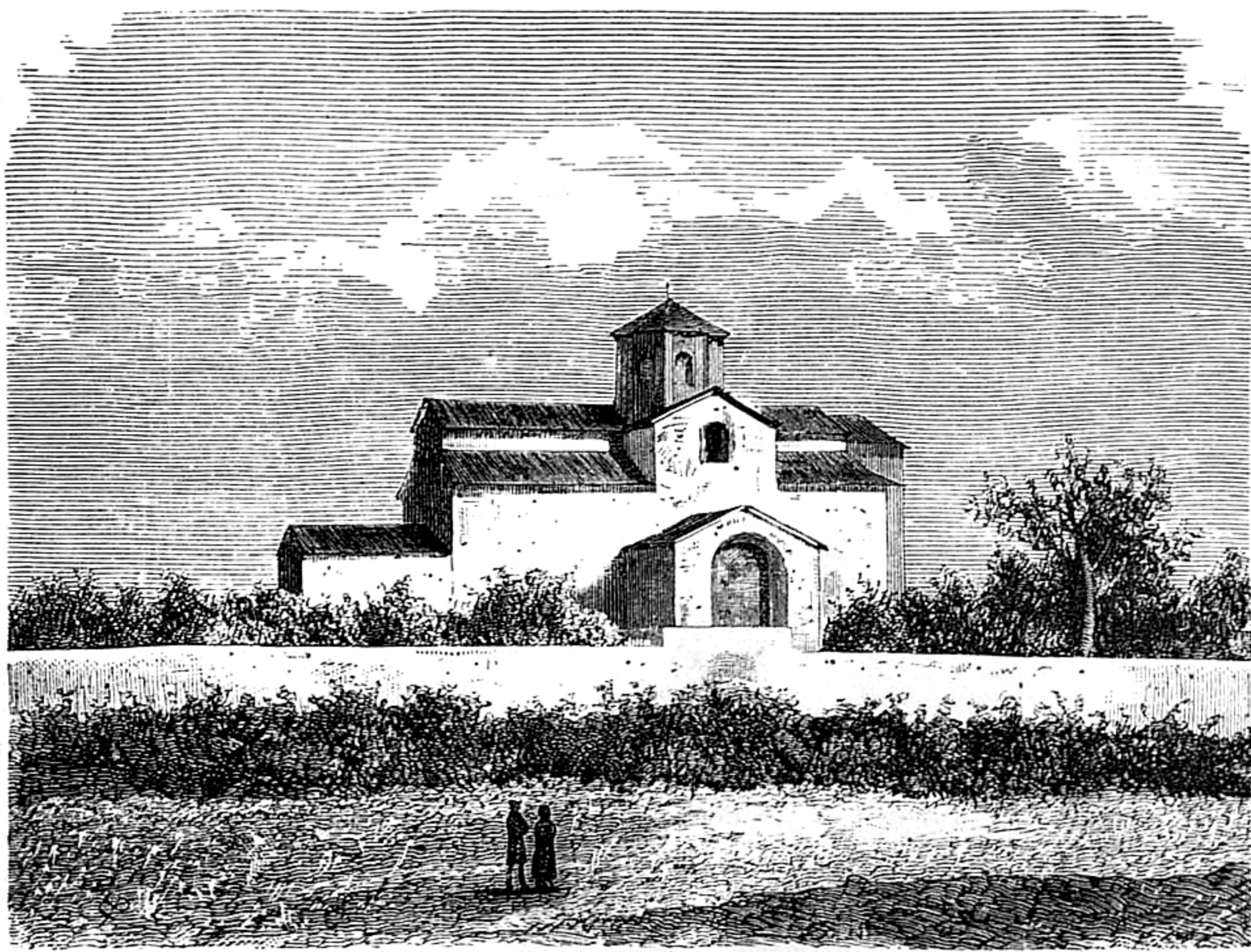

Такимъ образомъ, Черкесы занимали большую половину Кабардинской плоскости, значительную часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта и восточный берегъ Чернаго моря.

Пространство между рѣкою Ингуромъ и хребтомъ, отдѣляющимъ рѣку Бзыбь отъ рѣки Пеху, а на сѣверѣ до главнаго хребта, было заселено племенемъ *Азегъ*, которое также раздробилось на многія отрасли. Къ юго-востоку отъ Убыховъ находились *Джигеты* (Садзень), занимавшіе пространство по берегу Чернаго моря отъ рѣчки Хамышь до Гагръ, а къ востоку — *Медовътевы*, дробившіеся на отрасли: Пеху, Ахчипсоу и Аибга. За Гаграми, по направленію къ Ингуру, жили *Абхазы*, одно изъ древнѣйшихъ племенъ Кавказа. Къ нимъ слѣдуетъ причислить Самурзаканцевъ, занимавшихъ землю по берегу Чернаго моря между рѣками Ингуромъ и Галидзгой. Абхазскій элементъ въ особенности преобладалъ въ западной части Самурзакани. Выше Абхазцевъ, по Кодору, въ долинѣ Далъ, помѣстились *Цебельдинцы* (Замбалъ); въ верховьяхъ рѣки Гунсъ — *Барикаи*; къ югу отъ нихъ, въ верховьяхъ рѣки Ходзь — племя *Балъ*; къ востоку, въ верховьяхъ Малой Лабы — *Шегерай*, а еще далѣе, въ верховьяхъ Большой Лабы — племя *Талъ*. Промежуточное же пространство между верховьями Большой и Малой Лабы было заселено *Кизылбековцами*, отъ которыхъ къ юго-востоку, у верховьевъ Урупа и Большаго Зеленчука, жили *Вашильбаевцы*, и наконецъ *Басъхогъ*, расселившіеся въ концѣ XVII вѣка, съ согласія Кабардинцевъ, въ разныхъ мѣстахъ Кубанской котловины. Племя Басъхогъ извѣстно у Татаръ подъ именемъ Алты-кесекъ или *шестиродныхъ*, отъ имени своихъ владѣтелей Бибердъ, Лоу или Ловъ, Дударукъ Кіяшъ, Джантемиръ и Клишъ.

Лихнинская церковь въ Абхазіи.

На сѣверномъ склонѣ главнаго хребта, близъ верховьевъ Кубани и Теберды, у подошвы Эльборуса, живетъ татарское племя *Карачаевцевъ*, родственное съ Урусіевцами, Чегемцами и Балкарцами, размѣстившимися по рѣкамъ Баксану, Чегему и Тереку.

По берегамъ рѣки Кубани, отъ станицы Баталпашинской до устья рѣки Лабы, жили *Ногайцы*, переселенные туда Петромъ I изъ Астраханскихъ степей, куда они были оттѣснены Калмыками съ береговъ Иртыша. Впослѣдствіи они отдались подъ покровительство Турціи, но въ 1770 году снова возвратились на Кубань.

Продолжая нашъ перечень Кавказскихъ горскихъ племенъ въ направленіи къ востоку, мы встрѣчаемъ *Сванетовъ* (иверскаго или картвельскаго происхожденія), живущихъ къ югу отъ Эльборуса, въ верховьяхъ Ингура и Цхенисъ-цкали, а еще далѣе — *Осетинъ* (Иронъ), принадлежащихъ къ иранскому племени и подраздѣляющихся на Дигорцевъ, Валаджирцевъ, Куртатцевъ и Тагаурцевъ. Осетины расселились по верховьямъ рѣкъ Арагвы и Терека на протяженіи Военно-Грузинской дороги и по смежнымъ съ нею ущельямъ, затѣмъ въ сѣверной нагорной части Горійскаго уѣзда, по рѣкамъ Большой и Малой Лиахвѣ, и на сѣверномъ Кавказѣ по рѣкамъ Фиагдону и Ардону и по смежнымъ мѣстностямъ.

Къ югу отъ главнаго хребта, по верховьямъ рѣкъ Алазани, Юры и Пшавской Арагвы

и частью на сѣверной сторонѣ хребта, по верховью Чантры-Агуна, жили *Тушины*, *Пшавы* и *Хевсуры*.

Земли между теченіемъ рѣки Аксая, послѣдними террасами главнаго хребта и рѣкою Сунжею были заняты *Чеченцами*. Племя это также имѣло свои подраздѣленія: по верховьямъ рѣкъ Сунжи, Камбилейки, Назрановки и по теченію этихъ рѣкъ до впаденія рѣки Яндырки въ Сунжу и по Терской долинѣ жили *Назрановцы*; по рѣкамъ Ассѣ и Сунжѣ — *Карабулаки*, самое враждебное намъ племя; по ущелью Макалдона и Аргуна — *Кисты* и пр. Кромѣ того были отрасли, называвшіяся по именамъ селеній или горъ и рѣкъ, по направленію коихъ были расположены ихъ аулы, но дѣленіе это не имѣло основанія и самимъ Чеченцамъ было неизвѣстно. Они сами себя называютъ *Нахчуй* (въ единств. числѣ *Нахчуо*), т. е. народъ, и это относится до всего народа, говорящаго чеченскимъ языкомъ.

Черкесъ.

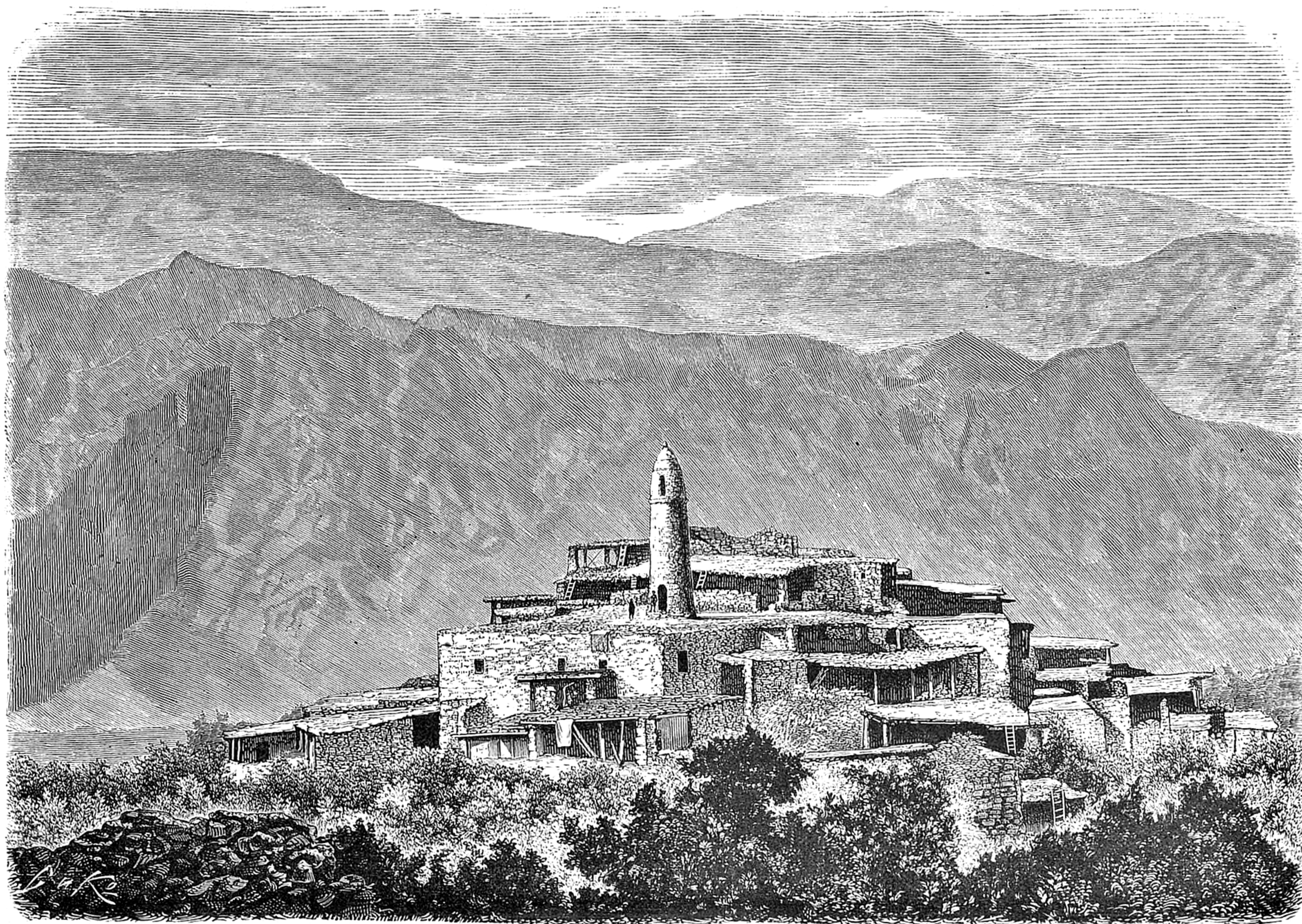
Наконецъ, Дагестанъ, подъ именемъ котораго извѣстно пространство, заключающееся въ прямолинейномъ треугольникѣ, котораго стороны составляютъ хребты Главный Кавказскій и отходящій отъ него отъ горы Барбало (въ Тушетіи) Андійскій и берегъ Каспійскаго моря, — заселенъ *Лезгинами*.

Горцевъ никогда никто не считалъ, почему и точныхъ статистическихъ свѣдѣній о нихъ не существовало. По приблизительному же опредѣленію, до выселенія значительной части населенія горъ въ Турцію: считалось Черкесъ 300,000 душъ, Убыхъ 25,000 душъ, Абхазскаго племени 150,000 душъ, Сванетовъ 10,000 душъ, Осетинъ 28,000 душъ, Чеченцевъ 120,000 душъ, Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуръ 12,000 душъ, Лезгинъ 450,000 душъ, всего 1,095,000 душъ. А съ Ногайцами, Кумыками и Балкарцами, которыхъ считалось 45,000—общая цифра составляла 1.140,000 душъ.

Приведенное выше подраздѣленіе Кавказскихъ народностей было, однако-же, мало извѣстно не только въ Европѣ, но и въ Россіи, гдѣ всѣхъ вообще горцевъ привыкли называть Черкесами. Такъ, Хевсуръ почему-то считали потомками крестоносцевъ, задержанныхъ въ Кавказскихъ горахъ при возвращеніи ихъ изъ Палестины въ Европу. Знаменитый Палласъ полагалъ, что Черкесы, подчинивъ себѣ другіе на-

роды, сообщили имъ свой языкъ, подобно тому, какъ Тевтонскіе рыцари сообщили, хотя отчасти, свой языкъ Латышамъ и Эстамъ.

Критическій разборъ этихъ и множества подобныхъ гипотезъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящаго очерка, а потому скажемъ коротко, что въ тѣ отдаленныя времена, когда Закавказье дѣлилось на Колхиду, Иверію и Албанію, а частью входило въ со-

Аулъ Игали, въ Дагестанѣ.

ставъ Великой Арменіи, сѣверный Кавказъ былъ извѣстенъ подь именемъ Азіатской Сарматіи (Sarmatia Asiatica), заключавшей въ себѣ, кромѣ земель, занятыхъ Черкесскими племенами, и сѣвернаго Дагестана, и всѣ русскія провинціи между Дономъ и Волгой, а равно западныя части царствъ Астраханскаго и Казанскаго. Вся эта страна была знакома древнимъ только въ южныхъ ея частяхъ. Населеніе ея, извѣстное подь общимъ именемъ Сарматовъ, дробилось на многія мелкія племена: Зиховъ, жившихъ на Понтійскомъ берегу, Кекетровъ, Мради (Mradi), Vosrogani, на Босфорѣ Кимерійскомъ и нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ. Ближе къ берегу Каспійскаго моря жили: по рѣкѣ Кумъ—Udini, по Тереку — Aondae, на Сулакѣ — Isondae; внутри страны Diduri (Дидойцы), къ западу отъ нихъ Metibi, еще далѣе Coparseni, затѣмъ къ востоку Tusci, нынѣшніе Тушины, и пр. Въ какой родственной связи исчисленныя народности состояли къ нынѣшнимъ горцамъ — опредѣлить трудно и предоставляется будущимъ изслѣдованіямъ. Намъ-же остается обратиться къ этнографической и бытовой сторонѣ горцевъ, придерживаясь программы настоящаго изданія. Предметъ нашъ въ данномъ случаѣ составитъ собственно мусульманское населеніе, т. е. племена Черкесскія, Абхазскія, Чеченскія и Лезгинскія, такъ какъ о племенахъ христіанскихъ, какъ равно о Кумыкахъ и Ногайцахъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Ингушъ (нищій).

Древнѣйшая вѣра Кавказскихъ горцевъ была чисто буддѣйская. Ученіе св. Евангелія среди нѣкоторыхъ племенъ современно Апостолу Андрею Первозванному, который, въ сопутствіи Симона Кананита, проповѣдывалъ его въ Мингреліи, Абхазіи и другихъ мѣстностяхъ по берегу Чернаго моря. О томъ, насколько вообще и до какихъ предѣловъ христіанство распространилось впоследствии, лучше всего свидѣлствуютъ развалины и остатки древнихъ церквей, которые попадаются во всѣхъ почти ущельяхъ отъ Чернаго моря до Военно-Грузинской дороги и далѣе на востокъ въ нагорной Чечнѣ. Подробное ихъ исчисленіе могло бы составить предметъ весьма обширной монографіи. Менѣе всего слѣды христіанства встрѣчаются въ Дагестанѣ. И понятно. Большая часть населенія этой страны, размѣстившись по дикимъ и недоступнымъ ущельямъ и тущобамъ, вела жизнь вполне изолированную и находилась всегда внѣ всякаго вліянія на него міровыхъ событій. Мнѣ извѣстна во внутреннемъ Дагестанѣ только одна церковь, да и она, судя по архитектурѣ, принадлежитъ къ позднѣйшей эпохѣ. Она лежитъ въ 25 верстахъ отъ Хунзаха, на лѣвомъ берегу Аварскаго Койсу, въ тѣсномъ ущельѣ Гатани-калъ (церковное ущелье), близъ небольшого ручья. Тѣснота ущелья, пріютившаго въ себѣ церковь, и скудость окружающей природы заставляють думать, что церковь не имѣла особаго прихода, но что сюда стекались изъ другихъ мѣстъ на богомолье. Шамиль, года за три до взятія его въ плѣнъ, разрѣшилъ какому-то четверемъ христіанамъ поселиться въ церкви, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, двое изъ нихъ на время отлучились въ Вѣденъ, а другіе двое неизвѣстно кѣмъ были убиты и имущество ихъ разграблено. Извѣстіе это крайне огорчило Шамиля и онъ строго предписалъ мѣстному наibu отыскать виновныхъ, но преступники не были открыты.

Въ VII столѣтіи въ южные предѣлы Кавказа проникъ исламъ, утвердившійся послѣ двухвѣковой борьбы въ Дагестанѣ и распространившійся въ IX вѣкѣ по берегу Чернаго моря. Но ученіе это, несмотря на многочисленныхъ послѣдователей, не было достаточно сильно, чтобы поколебать преобладавшее тамъ христіанство, которое въ XI и XII

вѣкахъ нашло сильную поддержку со стороны князей Тмутараканскихъ и царей Грузіи. Съ XVI же столѣтія начинается открытая борьба Креста съ Луною, продолжавшаяся до послѣдняго времени. Прямымъ послѣдствіемъ этого, какъ справедливо замѣчаетъ Дюбуа, былъ полнѣйшій индифферентизмъ горцевъ къ той и другой религіи и возвращеніе ихъ къ древнимъ суевѣріямъ. Это въ особенности относится до Черкесскихъ племенъ, религія которыхъ отличается поразительною смѣсью ислама съ христіанствомъ и язычествомъ. Такъ, мы не можемъ не признать въ ихъ поклоненіи высшимъ существамъ явныхъ признаковъ греческаго культа: Зейгутъ, покровитель наѣздниковъ, никто иной какъ Марсъ; Тлепсъ, покровитель кузнецовъ — Вулканъ, Хепезуатъ — Наяда, Хатогуатъ — Помона, Кодесъ — Нептунъ и проч. Особеннымъ уваженіемъ пользовался у нихъ Созерисъ, покровитель хлѣбопашества. Пришествіе его ожидается и празднуется въ декабрѣ, въ одно время съ нашимъ праздникомъ Рождества Христова. Къ этому времени въ домъ вносится сукъ о семи вѣтвяхъ, къ которымъ прикрѣпляются свѣчи изъ желтаго воска, пирожки и кусочки сыра. Созериса считаютъ также и покровителемъ моря.

Меріама, которую Черкесы называютъ Божіей Матерью, есть св. Марія, считающаяся покровительницею пчелъ. Она празднуется въ августѣ, почти одновременно съ Успеніемъ Пресв. Богородицы.

Горцы, жившіе на морскомъ побережьи, признавали Пасху, сами не зная въ память какаго событія, и за двѣ недѣли до наступленія праздника не употребляли въ пищу яицъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ сохранилось уваженіе къ священнымъ лѣсамъ и роцамъ, гдѣ символомъ ихъ поклоненія служилъ деревянный крестъ, прислоненный къ дереву. Впрочемъ, эта склонность къ друидизму свойственна и другимъ Кавказскимъ племенамъ. Путешественники начала прошлаго столѣтія повѣствуютъ, что Черкесы съ зажженными факелами совершали процессіи вокругъ священныхъ деревьевъ и тутъ-же приносили въ жертву барановъ, козъ, быковъ и проч.

У племени Азega точно также сохранились слѣды вѣрованій всѣхъ народовъ. Они поклоняются тѣмъ-же богамъ, какъ и Черкесы, не облакая ихъ, впрочемъ, въ опредѣленныя формы, и подобно имъ чтутъ священные лѣса, роци и скалы. Особеннымъ уваженіемъ у нихъ пользуется наковальня: ей приносятся жертвы, и клятва при наковальнѣ считается ненарушимою. Первые сѣмена христіанства внесены въ Абхазію, какъ сказано выше, Андреемъ Первозваннымъ. Въ 550 году императоръ Юстиніанъ воздвигъ на берегу Чернаго моря Пицундскій храмъ, этотъ дивный памятникъ древняго византійскаго искусства. Послѣ паденія Генуэзскихъ колоній, въ Абхазію проникъ исламъ, нашедшій тамъ многихъ послѣдователей; бѣльшая-же часть населенія не только сохранила глубокое уваженіе къ развалинамъ древнихъ церквей, и особенно къ храмамъ въ Илори и Драндахъ, но осталась вѣрна язычеству, которое считалось еще не очень давно господствующею религіею между Абхазскими племенами. Собственно въ Абхазіи только члены владѣтельнаго дома и незначительная часть дворянъ исповѣдуютъ православіе; остальные придерживаются ислама и, подобно Черкесамъ, принадлежатъ къ расколу ханефи. Изъ крестьянъ только $\frac{2}{5}$ считаются мусульманами.

Слѣды язычества удержались равнымъ образомъ и въ Чечнѣ. Ингуши поклоняются идолу Гушмале и еще недавно почитали человѣческіе скелеты, уцѣлѣвшіе въ небольшомъ каменномъ строеніи, ниже кр. Назрана, по Сунжѣ. Они говорятъ, что остовы эти сохранялись тамъ въ теченіе 2,000 лѣтъ и испортились только съ приходомъ Русскихъ.

При царицѣ Тамарѣ или Русудани, т. е. въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка, между Чеченцами начало распространяться христіанство, о которомъ свидѣтельствуютъ развалины древнихъ храмовъ (какъ, напр., у Кистинъ, на горѣ Матхохъ, и у Галгаевцевъ, близъ аула Хейръ, церковь Каба-Ерды). Кистины и Ингуши, подобно Осетинамъ, празднуютъ новый годъ, день пророка Іліи и день Св. Троицы.

Въ началѣ прошлаго столѣтія Чеченцы приняли исламъ, присоединившись къ суннитскому толку шафііа, котораго держатся также жители Дагестана, за исключеніемъ Дербента и нѣкоторыхъ мѣстъ, населенныхъ шінтами.

Такова религія горцевъ. Но оригинальности и особенности, которыми они отличаются въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ, отразились въ не меньшей мѣрѣ и на ихъ общественномъ и семейномъ бытѣ.

Управленіе у Черкесовъ было чисто-феодалное. Народъ раздѣлялся на князей (пши), дворянъ или узденей (уоркъ), свободныхъ, подвластныхъ и рабовъ. Строго же говоря, у нихъ было только два сословія: свободные и рабы. У нѣкоторыхъ племенъ, какъ, напр., у Натухайцевъ и Шапсуговъ княжескій родъ пресѣкъся и остались только дворяне. Здѣсь кстати упомянуть, что между Натухайцами и Шапсугами обыкновенно жили найбы, присылавшіеся Шамилемъ чтобы поддерживать противъ насъ враждебныя отношенія Черкесовъ. У Убыховъ также не существовало князей, но за то сословіе дворянъ было особенно многочисленно. Съ Абадзехами Убыхи были связаны тѣми-же близкими отношеніями, какія существовали между Натухайцами и Шапсугами. Въ другихъ племенахъ сословіе князей удержалось до послѣдняго времени.

Общественный порядокъ въ народѣ поддерживался союзами фамилій, которыя, въ свою очередь, скрѣпляли взаимныя между собою отношенія брачными узамъ и отдачею дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства, гдѣ они считались самыми близкими родными. Обязанности воспитанника къ воспитателю (атальку) были выше, чѣмъ къ собственнымъ родственникамъ.

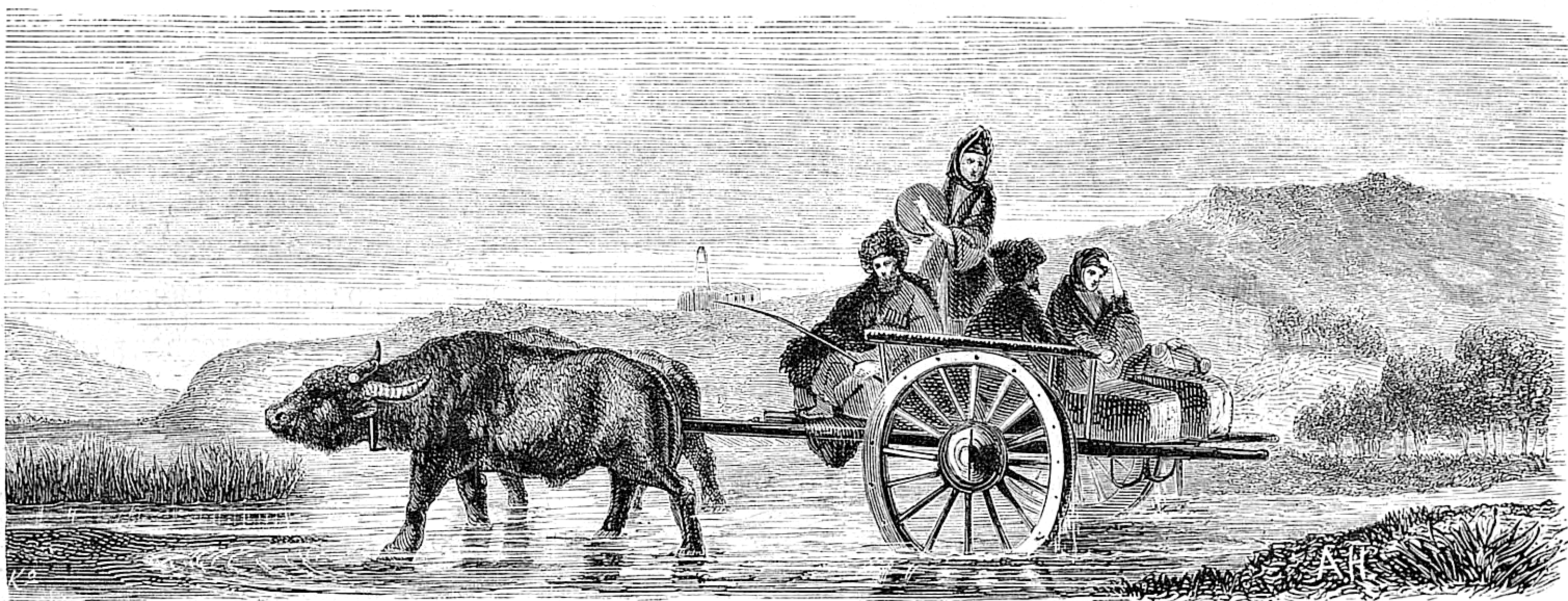
Союзами фамилій устанавливалась безопасность каждаго лица отъ насилія посторонняго, а для предупрежденія всякаго раздора между самыми фамиліями существовалъ обычай, по которому за поступки каждаго отвѣтствовали всѣ члены фамиліи, и лицо, вовлекшее нѣсколько разъ свою фамилію во враждебныя отношенія къ другимъ, оставалось какъ-бы внѣ покровительства и ни на какую защиту рассчитывать не могло. Почтеніе къ старшимъ соблюдалось со всею строгостью; не менѣе уважались люди, отличавшіеся храбростью и умомъ. Въ быту семейномъ блюстителемъ порядка былъ отецъ, имѣвшій право на жизнь и продажу въ неволю жены, дѣтей и рабовъ.

Для обсужденія общихъ дѣлъ и предпріятій созывались народныя собранія, не имѣвшія ни опредѣленнаго мѣста, ни установленнаго періодическаго времени. Они происходили обыкновенно подъ открытымъ небомъ и имѣли видъ совѣщательный, причемъ не располагали никакими исполнительными средствами для наблюденія за исполненіемъ своихъ постановленій. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія народныя собранія происходили довольно рѣдко. Люлье, долго жившій между Черкесами, насчитываетъ всего пять такихъ собраній. Съ теченіемъ времени, а особенно съ 1840 года, народныя собранія, вслѣдствіе принятыхъ нами энергическихъ мѣръ противъ Закубанцевъ, участились. Въ собраніяхъ этихъ принимали участіе всѣ сословія, кромѣ крестьянъ, не имѣвшихъ права голоса.

То же феодальное устройство существовало у Абхазскихъ племенъ, съ тою лишь разницею, что у нихъ преобладалъ элементъ аристократическій. Джигеты и Цебельдинцы управлялись княжескими и дворянскими фамиліями, составившими между собою какъ-бы родъ федеративнаго союза. Собственно Абхазія, въ которой считалось шесть княжескихъ и восемь дворянскихъ фамилій, управлялась владѣтелемъ изъ рода князей Шарвашидзе, которому грамотою императора Александра, въ 1810 году, даровано наследственное право на внутреннее управленіе краемъ по народнымъ обычаямъ и изустнымъ законамъ. Послѣднимъ владѣтелемъ былъ князь Михаилъ Шарвашидзе, скончавшійся въ 1866 году.

Владѣтель не пользовался никакими податями, а князья и дворяне, составлявшіе господствующій классъ землевладѣльцевъ, получали доходы только съ своихъ имѣній и съ земель, принадлежавшихъ крестьянамъ.

У Чеченцевъ общественный бытъ отличается тою патриархальностью и простотою, какія мы находимъ въ первобытныхъ обществахъ. У нихъ нѣтъ сословныхъ подраздѣленій. Они образуютъ одинъ классъ—людей вольныхъ и не имѣютъ никакихъ феодальныхъ привилегій. «Мы всѣ уздени», говорятъ Чеченцы, и это выраженіе должно понимать въ смыслѣ людей, зависящихъ сами отъ себя. Но въ массѣ кореннаго народонаселенія съ теченіемъ времени образовался немногочисленный классъ личныхъ рабовъ; его составили военно-плѣнные, постоянно захватываемые Чеченцами во время ихъ наѣздовъ. Хотя состояніе ихъ въ сущности ничѣмъ не разнилось, однако-же, ихъ стали подраздѣлять на *лай* и *ясиръ*. Послѣдніе отличались отъ первыхъ тѣмъ, что *ясиръ* могъ быть выкупленъ и воротиться на родину, тогда какъ *лай*, забывшій свое происхожденіе и религію, дѣлался неотъемлемою собственностью своего господина. Положеніе *лаевъ* въ Чечнѣ современемъ превратилось въ то безусловное рабство, какое

Грузинская арба.

существовало въ древнемъ мірѣ. Такимъ образомъ сословіе *лаевъ* было совершенно безправное, и оно могло образоваться только въ странѣ, не обезпеченной никакими почти законами, гдѣ каждый коренной обитатель считалъ себя полноправнымъ господиномъ.

Въ прежнее время, говорятъ Ичкеринскіе старожилы, когда народъ Чеченскій былъ еще малочисленъ и жилъ въ горахъ Ичкеріи и по верховью Аргуна, всѣ тяжбы судились стариками; старики были въ то время умные, жили долго; знали многое и всегда рѣшали по правдѣ, по своему разумѣнію, не руководствуясь никакимъ закономъ. Но такъ какъ они не имѣли въ своихъ рукахъ никакой исполнительной власти, то рѣшенія ихъ, основанныя на здоровомъ умѣ и совѣсти, хотя и были справедливы, но не всегда приводились въ исполненіе, а уничтожались часто по произволу, т. е. платилось кровью за кровь, обидой за обиду. Дѣла, касавшіяся цѣлаго аула, обыкновенно рѣшались на сходкахъ, куда собирался весь народъ, и на которыхъ свободно говорилъ всякій, кто что зналъ.

Обратимся къ Дагестану. Тамъ еще въ 1859 году считалось семь владѣній и 43 вольныхъ общества. Общества эти сохранили въ общественномъ устройствѣ преимущественно первобытныя формы: каждое селеніе избирало себѣ старшину, а нѣсколько селеній, составлявшихъ вмѣстѣ общество, управлялись кадіемъ; иногда же нѣсколько обществъ составляли союзъ. Въ обществахъ не существовало различія сословій, но личныя качества или даже связи родственныя, часто давали нѣкоторымъ лицамъ сильное вліяніе на цѣлое общество.

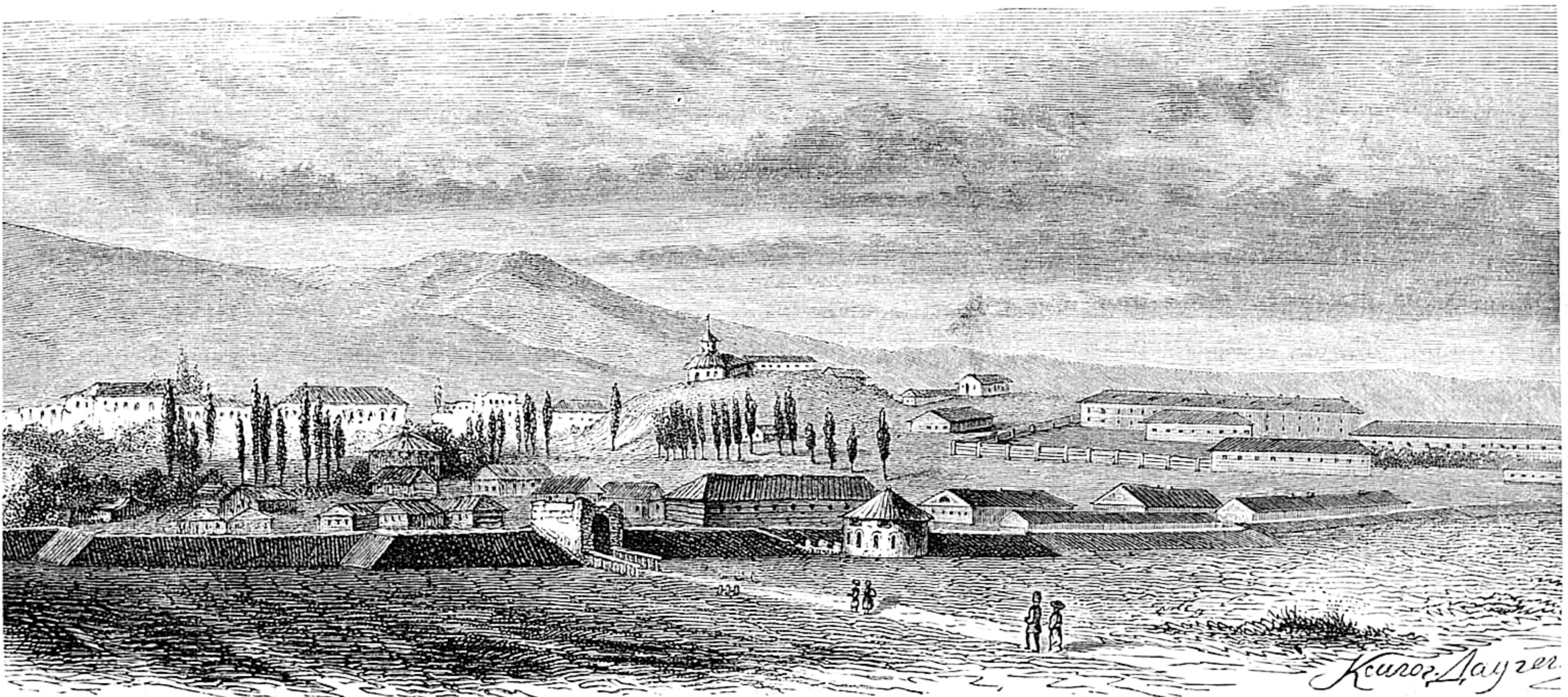
Изъ владѣтелей Дагестана древнѣйшими и сильнѣйшими со времени учрежденія въ этомъ краѣ власти Арабовъ были шамхалы Тарковскіе, называвшіеся также валиями. Владѣнія ихъ лежали бѣльшею частью на равнинѣ. Главная резиденція шамхаловъ была въ Тарку, древнемъ

Семендеръ, нѣкогда принадлежавшемъ Хазарамъ. Селеніе это лежитъ на крутой скалѣ, близъ берега Каспійскаго моря, и живописно только издали, внутри-же:

Скажу не въ смѣхъ,
Аулъ шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъъ,
Большой и длинной.
Обмазанъ глиной.
Нечистъ внутри.
Нечистъ снаружи.
Мечети съ три.
Ручьи да лужи.

(Полемжаевъ).

На высшей точкѣ Тарку А. П. Ермоловъ построилъ въ 1821 году крѣпость Бурную, но она уже давно уничтожена.

Темиръ-ханъ-Шура.

Последнимъ шамхаломъ былъ Шемсъ-эддинъ, сынъ Муслимъ-хана, добровольно сложившій званіе это въ 1867 году.

Южной границей шамхальство прикасалось къ Кайтагу, который до 1820 года составлялъ особое владѣніе подъ управленіемъ уцмievъ (отъ арабскаго слова исми, т. е. именитый), считавшихся по своему значенію и вліянію въ Дагестанѣ вторыми послѣ шамхала. Послѣ Адиль-хана, измѣнившаго намъ и бѣжавшаго въ Аварію, А. П. Ермоловъ навсегда уничтожилъ достоинство уцмievъ.

Въ смежности съ Кайтагомъ находится бывшее Кюринское ханство, которое до 1839 года было соединено съ ханствомъ Казикумухскимъ подъ управленіемъ одного лица изъ рода Казикумухскихъ хановъ. Последнимъ Кюринскимъ владѣтелемъ былъ Юсуфъ-ханъ, сложившій съ себя это званіе въ 1864 году, а Казикумухскимъ—Агаларъ-бекъ, скончавшійся въ 1858 году.

Къ сѣверу отъ Кюринскаго ханства лежитъ Табасаранъ. Она раздѣлялась на сѣверную и южную. Первою управляли кадїи, а послѣднею майсумы,—достоинство установленное арабскими завоевателями въ VIII вѣкѣ и уничтоженное въ 1828 году. Последнимъ кадїемъ былъ Эльдаръ-бекъ, а правителемъ южной Табасарани—Ахмедъ-ханъ. Они оба сложили съ себя свои званія въ 1866 году, получивъ взаменъ пенсіи и достаточные къ ихъ обезпеченію участки земли.

Къ югу отъ шамхальства Тарковскаго лежало ханство Мехтулинское. Оно образовалось въ XVIII столѣтіи и имѣло своихъ владѣтелей, состоявшихъ въ близкихъ родственныхъ свя-

зяхъ съ домою Аварскихъ хановъ. Въ 1867 году полковникъ Решидъ-ханъ добровольно сложилъ съ себя званіе владѣтеля, удовольствовавшись сохраненіемъ титула хана, удержаніемъ за собою лично ему принадлежащихъ недвижимыхъ имѣній и ежегоднымъ содержаніемъ въ 5 т. рублей.

Кромѣ исчисленныхъ владѣній въ при-каспійской части Дагестана было еще ханство Дербентское и Кубинское, но оно, послѣ измѣны и бѣгства Шейхъ-Али-хана, поступило въ 1806 году, за исключеніемъ города Дербента, въ управленіе шамхала Тарковского Мехти, въ награду постоянной преданности его Россіи.

Въ самомъ средоточіи Дагестана находилось бывшее ханство Аварское, съ главнымъ селеніемъ Хунзахъ. Оно расположено на утесистыхъ и обрывистыхъ берегахъ ручья Токъ-иты и замѣчательно ханскимъ дворцомъ, съ которымъ соединяется воспоминаніе о прекрасной Султанетѣ, дочери Ахмедъ-хана, знакомой читателямъ изъ «Аммалатъ-бека» Марлинскаго. Аварія была нѣкогда сильнѣйшимъ владѣніемъ въ Дагестанѣ. Сосѣди трепетали ея хановъ, и еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія знаменитый Омаръ-ханъ бралъ дань не только съ вольныхъ обществъ, но обложилъ ею хановъ Ширванскаго, Шекинскаго, Бакинскаго, пашу Ахалцихскаго и даже грузинскаго царя Ираклія II за то только, чтобы не тревожить ихъ владѣній.

Всѣ эти владѣнія управлялись ихъ ханами неограниченно, черезъ бековъ, джанковъ (родившихся отъ брака знатнаго съ простолюдинкою) и старшинъ, и всѣ дѣла рѣшались по ихъ личному усмотрѣнію.

У горцевъ никогда никакихъ письменныхъ законовъ не существовало; они управлялись обычаями, которые передавались изустно изъ рода въ родъ. Изъ совокупности этихъ обычаевъ составился *адатъ*, который можно назвать первымъ звеномъ соединенія челоуѣка въ общество, переходомъ его изъ дикаго состоянія къ жизни общественной. Челоуѣкъ, соединяясь въ общество, старается оградить себя отъ произвола, изыскиваетъ необходимыя для этого условія и создаетъ правила, на которыхъ могла-бы покоиться жизнь общественная. Но правила эти, какъ и все устанавливаемое челоуѣкомъ, въ періодъ его младенчества, не прочны и, по неимѣнію письменъ, существуютъ въ однихъ лишь преданіяхъ. Въ нихъ челоуѣкъ какъ-бы боится подчинить себя опредѣленнымъ узамъ закона, а потому и исполнительной власти въ адатѣ почти не существуетъ, штрафовъ и наказаній за преступленія никакихъ нѣтъ, а если и есть, то весьма слабыя. Вообще можно сказать, что судъ по адату есть *судъ посредническій*, лишенный болѣею частью средствъ понудительныхъ: рѣшенія его исполняются, если на то есть добрая воля судившихся, или пренебрегаются, если одна изъ сторонъ находитъ ихъ слишкомъ невыгодными для себя. Тутъ послѣдняя граница закона и гражданскаго порядка и первый переходъ къ личному самоуправству. Тамъ, гдѣ законъ безсиленъ, каждый получаетъ обратно природное право мстить за обиду и по своему усмотрѣнію наказывать своего врага или обидчика. Здѣсь и кроется начало жестокаго правила канлы (кровомщенія), признаннаго у всѣхъ горскихъ племенъ какъ дополнительный уставъ личнаго права, помѣщеннаго въ сводѣ ихъ преданій и гражданскихъ постановленій. Канлы состоитъ въ томъ, что родственникъ убитаго долженъ убить убійцу или кого-либо изъ его родныхъ. Тѣ, съ своей стороны, опять должны отмстить за кровь кровью, и такимъ образомъ убійства продолжаются безконечно. Поэтому, послѣ каждаго убійства, между родственниками убитаго и родственниками совершившаго убійство возникаетъ право канлы, которое нерѣдко переходитъ отъ одного колѣна въ другое.

Генераль А. В. Комаровъ, долго служившій въ Дагестанѣ и спеціально занявшійся адатами и судопроизводствомъ по нимъ, въ обстоятельной статьѣ своей по этому предмету, между прочимъ, сообщаетъ, что въ селеніи Гадаръ (Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа) кровомщеніе между двумя тохумами (родъ, родня, родственныи союзъ), начавшееся вслѣдствіе убійства въ ссорѣ за курицу, длилось болѣе двухсотъ лѣтъ. Другой примѣръ. Въ Андіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится хуторъ Цибильда, было довольно большое и богатое селеніе, жи-

тели котораго дѣлились на два тохума. Разъ, въ праздникъ курбанъ-байрама, молодежь вышла для состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ завязался споръ, перешедшій въ драку, въ которой случайно былъ убитъ одинъ изъ молодыхъ людей. Родственники его сейчасъ-же бросились на убійцу, отчего завязалась общая свалка между обоими тохумами. Когда въ селеніи сдѣлалось извѣстнымъ, что уже по нѣсколько человѣкъ убито съ обѣихъ сторонъ, старики и женщины начали въ свою очередь драться между собою и душили дѣтей другъ у друга. Убійства продолжались нѣсколько дней, и изъ всего селенія остались въ живыхъ только четыре человѣка. Бывали случаи, что жители нѣкоторыхъ селеній, спасаясь отъ кровомщенія, переходили на другія мѣста и основывали новыя селенія въ чужомъ обществѣ.

То, что дѣлалось въ Дагестанѣ, повторялось въ Чечнѣ и у Черкесскихъ племенъ; въ Абхазіи-же обычай кровомщенія произвелъ еще болѣе вреда, чѣмъ у Черкесовъ.

Другой, общій всѣмъ горцамъ обычай — гостепріимство, которое, напоминая намъ героическія времена Греціи (см. VI пѣснь Иліады въ переводѣ Гнѣдича), развито у нихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Гость, кто-бы онъ ни былъ, считался для горца лицомъ священнымъ и онъ мстилъ за его смерть, за нанесенную ему обиду или оскорбленіе.

Какъ кровомщеніе, такъ и гостепріимство — созданія адата.

Съ распространеніемъ между горцами ислама у нихъ началъ вводиться *шариатъ* (правила и постановленія исламизма). Такимъ образомъ законодательство было составлено изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: шариата, основаннаго на общихъ правилахъ нравственности и религіи, заключающихся въ коранѣ, и адата — на обычаяхъ народа младенческаго полудикаго. Послѣдній распространялся и усиливался всякій разъ, какъ ослабѣвалъ шариатъ; и наоборотъ, адатъ падалъ и былъ отмѣняемъ, когда шариатъ находилъ ревностныхъ проповѣдниковъ и послѣдователей.

Передъ нами одинокая, построенная изъ турлука и крытая соломой сакля. Она стоитъ на окраинѣ дремучаго лѣса и обращена фасадомъ къ рѣкѣ, которая серебряною лентою вьется въ крутыхъ берегахъ и въ близкомъ далекѣ исчезаетъ среди гористой мѣстности. Внутри сакля состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ небольшими окнами, безъ стеколъ. Входная низенькая дверь запирается извнутри деревянными клиньями, а окна ставнями. Въ одной изъ комнатъ, около стѣны вырыто въ земляномъ полу углубленіе для огня, а надъ нимъ устроена изъ плетня, обмазанная глиною, труба. По сторонамъ этой импровизованной печи придѣлано къ стѣнѣ нѣсколько полоковъ для посуды и рядомъ съ ними, какъ въ хоромахъ Улисса, развѣшаны на гвоздяхъ оружіе и одежда. Нѣсколько круглыхъ столиковъ и кровать, покрытая войлокомъ, дополняютъ обстановку.

Близъ сакли стоитъ на четырехъ столбахъ амбаръ, а близъ него хлѣвъ для домашняго скота.

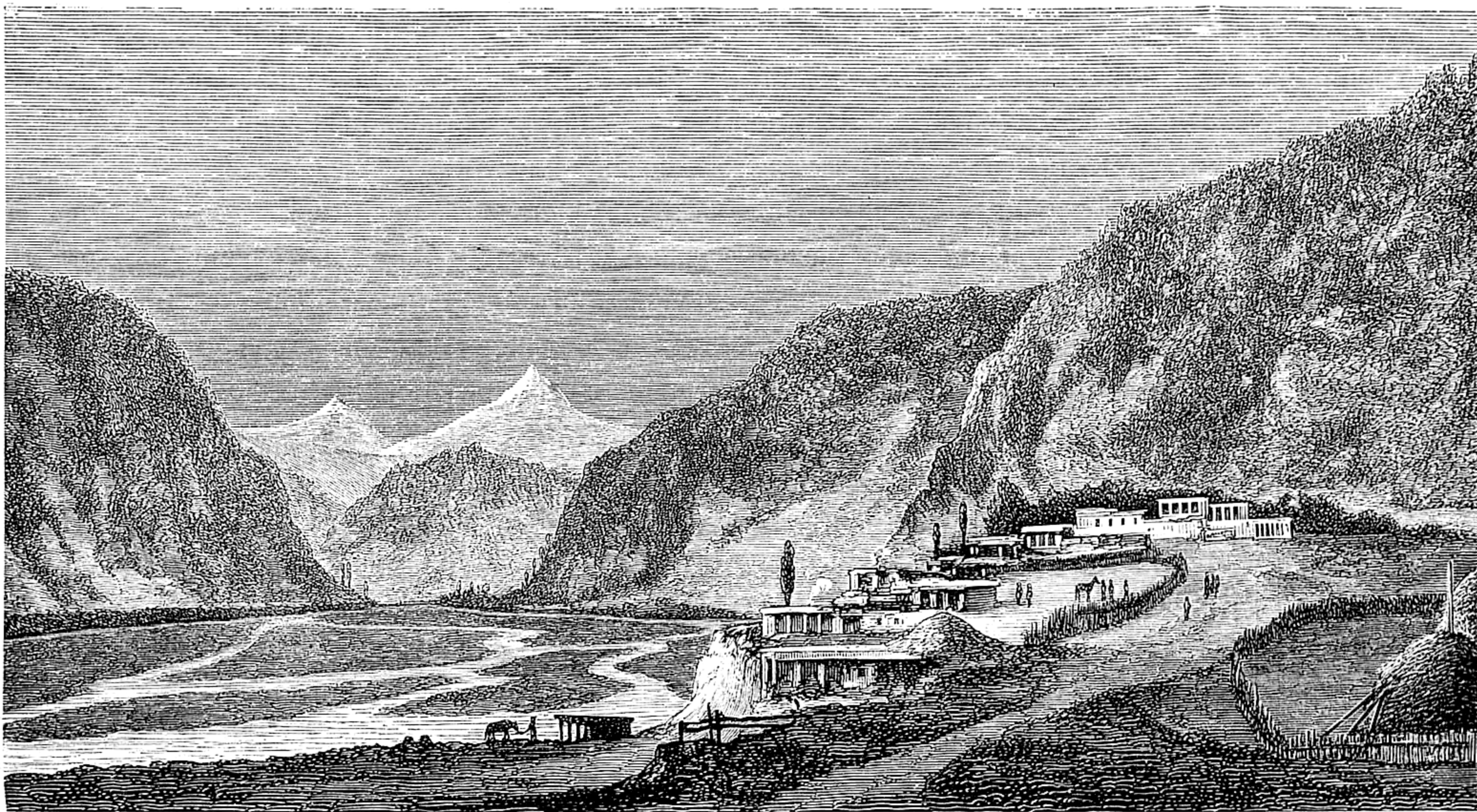
Всѣ эти постройки обнесены заборомъ или плотнымъ тыномъ, за которымъ находятся огороды, засѣянные преимущественно кукурузою и просомъ. Съ внѣшней стороны къ забору примыкаетъ кунакская, состоящая изъ дома и конюшни, построенныхъ на небольшомъ дворикѣ, огороженномъ частоколомъ.

Такова усадьба черкеса. Любя уединеніе, онъ строился отдѣльно, подальше отъ сосѣда, отчего Черкесскіе аулы разбросаны на довольно большомъ пространствѣ. То же самое мы находимъ у племенъ, живущихъ на равнинѣ, какъ, напр., у Мингрельцевъ. Каменные постройки у Черкесовъ встрѣчаются только у живущихъ на вершинахъ горъ.

У Абадзехскихъ племенъ сакли утопаютъ или въ непроницаемой чащѣ дремучихъ лѣсовъ, или лѣпятся, подобно птичьимъ гнѣздамъ, надъ пропастями. Съ виду онѣ похожи на плетневья корзины или клѣтушки и покрываются камышемъ, папоротникомъ или кукурузными листьями

(чала). Внутренняя обстановка соответствует внешней и крайне бѣдна. Все домашнее имущество туземца заключается въ двухъ-трехъ сундукахъ съ фамильнымъ имуществомъ, въ оружіи, чугунномъ котлѣ для варки пищи, нѣсколькихъ ведрахъ и кадкѣ съ кислымъ молокомъ, любимымъ его напиткомъ.

Въ совершенно другихъ условіяхъ находится населеніе Чечни. Чеченцы, обитающіе въ долинѣ, живутъ большими аулами; дома у нихъ турлучные, внутри опрятно и свѣтло. Они снабжены окнами безъ рамъ, но со ставнями для защиты отъ холода и сѣверныхъ вѣтровъ, почему и двери обыкновенно обращены на югъ или востокъ. Эта сторона дома обнесена навѣсомъ, чтобы дождь не проникалъ внутрь и для прохлады лѣтомъ. Комнаты нагрѣваются каминами, а хлѣбъ пекутъ въ особо устроенныхъ на дворѣ круглыхъ печахъ. Въ каждомъ домѣ есть кунакская. Она состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ, которыя всегда содержатся

Ауль Чахъ-Кири и видъ на Аргунское ущелье.

въ чистотѣ. Здѣсь, въ кунакской, хозяинъ проводитъ цѣлый день и только къ вечеру возвращается въ семейство. Каждый домъ имѣетъ небольшой дворъ, огороженный плетнемъ.

У горныхъ Чеченцевъ, живущихъ въ верховьяхъ Аргуна, гдѣ чувствуется большой недостатокъ въ лѣсѣ, дома каменные.

Не то мы находимъ въ Дагестанѣ. Тамъ аулы расположены въ глубокихъ ущельяхъ или на уступахъ горъ и состоятъ изъ каменныхъ домовъ въ два этажа, съ земляною крышею и балкономъ съ навѣсомъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщается скотъ, верхній предназначенъ для жилья. Занятіе Лезгинскихъ ауловъ представляло всегда большія затрудненія для осаждающихъ.

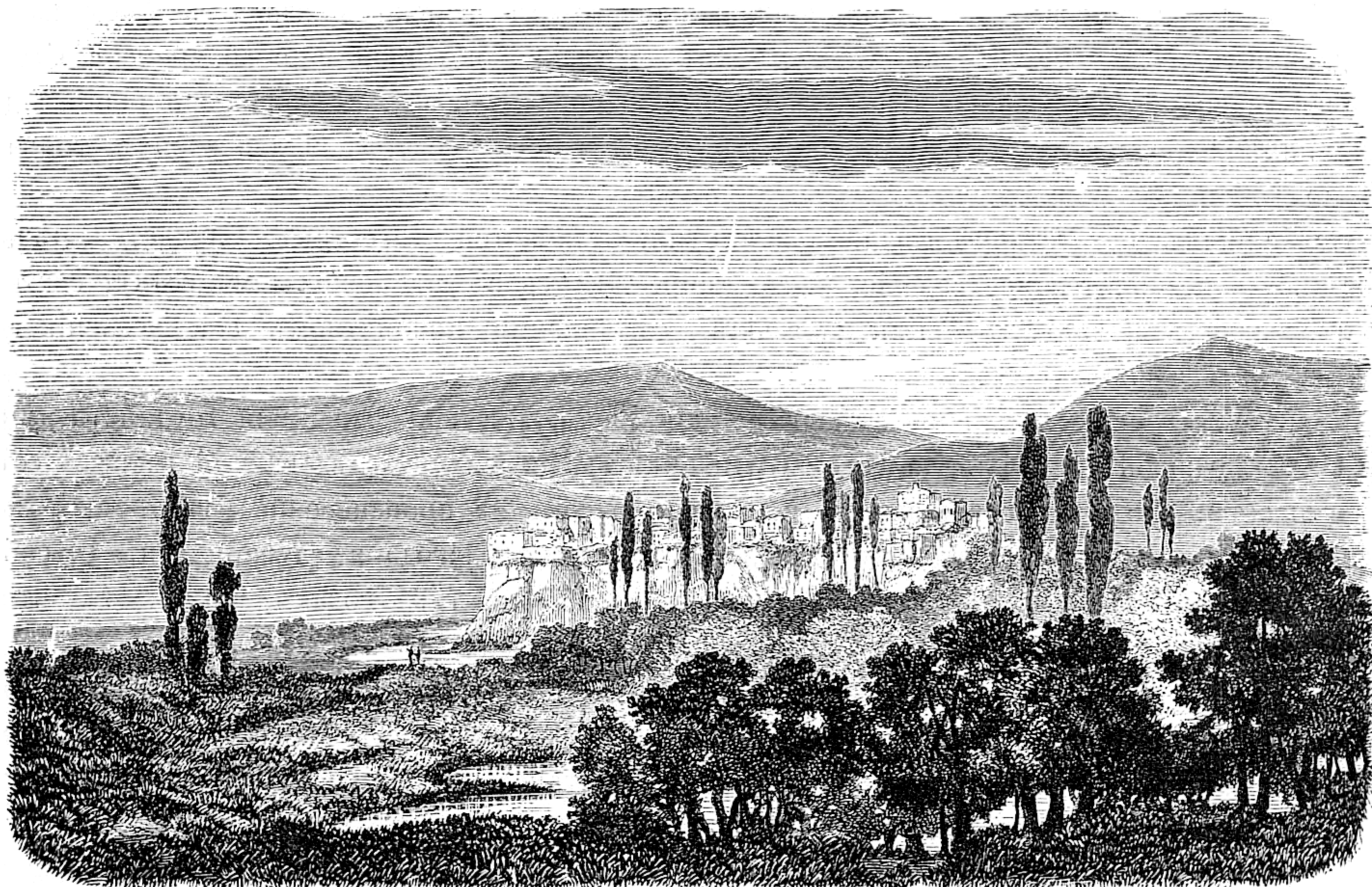
Внутренній бытъ и семейная жизнь у всѣхъ горцевъ одни и тѣ же. Мужчины вообще склонны къ праздности и проводятъ большую часть дня въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Вся ихъ работа заключается въ чисткѣ оружія или строганіи палочки. Женщины, напротивъ отличаются трудолюбіемъ: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы; онѣ же ткуютъ сукно для домашняго обихода, дѣлаютъ ковры, войлоки, бурки, шьютъ на мужчинъ платья и обувь. Вообще, справедливо замѣчаетъ ген. Окольничій въ своей прекрасной статьѣ *«Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ»*, что положеніе женщины въ горахъ крайне возмутительно; она тамъ замѣняетъ рабочій скотъ и въ хозяйственной іерархіи становится нѣсколькими ступенями ниже

лошади; посреди постоянныхъ трудовъ, она скоро блекнетъ, сгорбливается отъ тяжелыхъ ношъ, и тогда для нея наступаетъ еще худшая пора жизни, потому что горцы не уважаютъ старухъ, какъ ни къ чему не годныхъ.

Но, находясь въ такомъ безвыходномъ подчиненіи и неся все бремя по хозяйству, въ обширномъ смыслѣ этого слова, женщина и по чистоплотности, и по нравственнымъ своимъ качествамъ стоитъ далеко выше мужчины.

Въ пищу горцы умѣренны и способны на всякія лишения; особенно они мало и рѣдко ѣдятъ во время походовъ и передвиженій. Обыкновенная пища ихъ: пшеничная похлебка, баранина, молоко, сыръ, кукуруза, густо сваренная просяная каша (паста у Черкесъ), хинкаль, родъ лапши (у Лезгинъ), чуреки, буза или брага.

Костюмъ горца простъ, безъ всякихъ затѣй. Онъ состоитъ изъ бешмета или архалука,

Аулъ Салти въ Дагестанѣ.

черкески, ноговиць, чевякъ (у Чеченцевъ чирики, родъ башмаковъ безъ подошвъ), бурки и папахи (у Черкесъ обшивается галуномъ) съ башлыкомъ, напоминающимъ фригійскую шапку, какъ мы ее встрѣчаемъ на этрусскихъ вазахъ древней Пантикапеи. Лезгины носятъ зимою тулупы съ огромными воротниками, обращенными мѣхомъ наружу.

Оружіе у всѣхъ горцевъ одинаково: шашка, ружье или винтовка, кинжалъ и пистолеты; на черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ, находятся кожанья гнѣзда для ружейныхъ патроновъ, помѣщающихся въ газыряхъ, а на поясѣ — жирница, отвертка и небольшая сумка съ разными вещами для чистки оружія. Кольчуга, шлемъ и наручни, столь обыкновенные у Кабардинцевъ, встрѣчаются весьма рѣдко у другихъ Черкесскихъ племенъ.

Что касается женскаго костюма, то въ немъ не преобладаетъ то однообразіе, которое встрѣчается въ мужскомъ. Черкешенки сверхъ шароваръ надѣваютъ длинную, бѣлую рубашку изъ бязи или кисеи, съ широкими рукавами, сверхъ рубашки бешметъ (шелковый), чевяки, обшитыя галуномъ, а на голову круглую шапочку, повитую бѣлою кисейною чалмой. Костюмъ Абхазокъ похожъ на европейскій. Какъ у Черкешенокъ, такъ и у Абхазокъ, грудь молодыхъ дѣву-

шекъ сжимали особымъ корсетомъ, который онѣ носили до замужества. Костюмъ Чеченокъ почти тотъ же, что у Татарокъ. Голову онѣ повязываютъ длинными бѣлыми платками, но покрываль (чадръ) не носятъ и не прячутся отъ мужчинъ. Лезгинки также носятъ длинную нанковую или ситцевую рубашку и изъ той же матеріи шаровары, а сверху надѣваютъ архалукъ или бешметъ съ открытою грудью и прорѣхами на обоихъ бокахъ. Зимой женщины носятъ тулупы. Обувь ихъ та же, что у мужчинъ.

Племена Черкесскія, Абхазскія, Чеченскія и Лезгинскія говорятъ на языкахъ, не имѣющихъ между собою ни малѣйшаго сходства. Изъ нихъ языки Черкесовъ и Убыхъ намъ почти вовсе неизвѣстны. Въ отношеніи абхазскаго и чеченскаго сдѣлано несравненно болѣе, благодаря трудамъ академика Шифнера и въ особенности покойнаго П. К. Услара, изслѣдовавшаго также въ Дагестанѣ одно изъ даргинскихъ нарѣчій, извѣстное подъ именемъ хюркилинскаго, и языки аварскій, казикумухскій (лакскій), кюринскій и табасаранскій, т. е. языки, на которыхъ говорятъ $\frac{2}{3}$ всего лезгинскаго населенія. Обиліе кавказскихъ горскихъ языковъ было извѣстно еще древнимъ. Извѣстно, что въ Діоскурѣ (въ Абхазіи), который еще во времена Страбона считался главнымъ торговымъ пунктомъ всего западнаго Кавказа, стекалось на рынокъ до ста различныхъ народностей, и что Римляне въ этомъ городѣ содержали для своихъ торговыхъ дѣлъ до 130 переводчиковъ.

Особеннымъ богатствомъ языковъ и нарѣчій отличается Дагестанъ. Случается, что тамъ какое-нибудь незначительное селеніе, какъ, напр., Инухъ въ Дидойскомъ обществѣ, состоящее изъ нѣсколькихъ дымовъ, говоритъ на языкѣ, совершенно непонятномъ для населенія сосѣднихъ съ нимъ ауловъ.

Кавказскіе горскіе языки представляютъ для Европейца непреодолимые трудности въ отношеніи ихъ звуковой системы. Извѣстный академикъ Шегренъ, изслѣдовавшій языкъ Осетинъ, рассказываетъ, что онъ посвящалъ по нѣсколько часовъ на произнесеніе нѣкоторыхъ кабардинскихъ словъ, и что если это ему удавалось, то только благодаря случайности. Другой знаменитый ученый, Палласъ, посѣтившій Кавказъ въ 1793 и 1794 годахъ, замѣчаетъ, что Ингуши говорятъ, точно они набрали въ ротъ каменьевъ.

Къ какой группѣ языковъ должны быть отнесены языки Кавказскихъ горцевъ — это остается пока неизвѣстнымъ. Дюбуа находилъ сходство въ языкахъ черкесскомъ и абхазскомъ съ языкомъ чудскимъ и особенно финскимъ. Насколько такое мнѣніе справедливо, покажутъ будущія филологическія изслѣдованія.

Горцы существуютъ хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ (Черкесы) и скотоводствомъ. Промышленность и торговля у нихъ незначительны. Кабарда издавна славилась своими табунами лошадей и стадами овецъ, доставлявшими значительный доходъ населенію. У одноплеменныхъ же съ Кабардинцами Закубанскихъ племенъ главный сбытъ состоялъ въ кожахъ, лѣсѣ, медѣ, воскѣ и прочихъ произведеніяхъ, которыя они мѣняли на порохъ, свинецъ и, главнымъ образомъ, на соль. На восточномъ Кавказѣ Андаляльцы отличались предприимчивостью и въ давнее время служили главными проводниками нашей торговли съ горцами. Андія славилась своими бурками и производствомъ особеннаго, чрезвычайно мягкаго сукна.

Но ни скотоводство, ни земледѣліе, находившееся у горцевъ въ первобытномъ состояніи, ни промышленность и торговля, въ относительно тѣсныхъ предѣлахъ своего развитія, не могли достаточно обезпечить существованіе горцевъ. Привыкшіе къ необузданной и дикой свободѣ, они хищничествомъ и разбоями искали добычи внѣ предѣловъ своихъ родныхъ горъ и, отстаивая вмѣстѣ съ тѣмъ свою независимость, вызвали ожесточенную съ нами войну, кончившуюся для нихъ частью выселеніемъ въ Турцію, частью полнымъ подчиненіемъ Россіи. Этой борьбѣ мы и посвятимъ окончаніе нашего очерка.

Описанію нашей войны съ горцами долженъ бы предшествовать подробный топографическій очеркъ мѣстности театра дѣйствій. Но въ виду того, что извѣстно о Кавказѣ въ предыдущихъ главахъ, ограничимся здѣсь только нѣкоторыми замѣчаніями.

Кавказскій хребетъ, начинаясь у полуострова Тамани, быстро возвышается и, подходя къ Дагестану, достигаетъ наибольшей высоты и развѣтвленія. Вершины его здѣсь постоянно выше снѣговой линіи и средняя высота свыше 8,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Вообще, Дагестанъ, въ переводѣ «*страна горъ*», есть самая суровая и трудно доступная часть Кавказа. Занимая площадь въ 519 кв. миль, онъ весь покрытъ сплошною сѣтью хребтовъ, которые, то сплетаясь, то разбѣгаясь по всѣмъ направленіямъ, придаютъ ему тотъ дикій и суровый характеръ, который трудно встрѣтить въ какой-либо другой странѣ.

Никогда не забуду я впечатлѣній, испытанныхъ мною въ 1860 году. Было прекрасное іюльское утро. На небѣ ни облачка; въ воздухѣ разлита прохлада, столь живительная въ знойное лѣто, когда солнце печетъ и словно обдаетъ горячею влагою. Я выѣхалъ изъ Темиръханъ-Шуры съ цѣлью пробраться въ Хунзахъ, гдѣ рассчитывалъ пополнить запасъ моихъ познаній въ аварскомъ языкѣ, въ то время еще мало извѣстномъ европейскимъ лингвистамъ. Конвой мой состоялъ изъ повара, переводчика и пяти донскихъ казаковъ. Около полудня я прибылъ въ Ишкарты, штабъ-квартиру Апшеронскаго пѣхотнаго полка, гдѣ съ полнымъ радушіемъ былъ принятъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Теръ-Гукасовымъ, впоследствии генералъ-лейтенантомъ (однимъ изъ героевъ недавней войны съ Турціей, умершимъ въ 1881 году). Около 5-ти часовъ пополудни я простился съ гостепріимнымъ хозяиномъ и выѣхалъ изъ укрѣпленія. Продолжая слѣдовать по ровной мѣстности, я скоро достигъ вершины Койсубулинскаго хребта, гдѣ остановился, чтобы полюбоваться открывшеюся передо мною панорамой.

Я стоялъ на краю пропасти, по отвѣсной линіи глубиною въ 7000 футовъ. На днѣ пропасти виднѣлись Гимры — эта прославленная въ военной лѣтописи Кавказа родина Шамиля. Прямо передо мною обозначались не менѣ славные по воспоминанію Ахульго и Чиркатъ, а за ними безчисленные горные отроги и хребты, перерѣзанные глубокими и мрачными ущельями, по которымъ Аварское и Андійское Койсу съ шумомъ и ревомъ несутъ свои воды на соединеніе въ одинъ общій потокъ — Сулакъ, который, словно мечемъ, разсѣкъ хребты Койсубулинскій и лежавшій отъ меня вправо Салатау и проложилъ себѣ путь къ Каспію. Ужасающій и приводящій въ трепетъ видъ! Пустынное безмолвіе царило вокругъ меня, и я долго стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ, любуясь дикими красотами Дагестана. Но вотъ рассыпались сумерки и изъ сомкнувшихся тяжелымъ сводомъ тучъ началъ накрапывать дождь и издали послышались сильные раскаты грома. Медлить было нечего, тѣмъ болѣе, что вблизи не было аула. Я сѣлъ на лошадь и сталъ спускаться въ Койсубулинское ущелье по узкой тропѣ, извивающейся на десятиверстномъ разстояніи по самому краю пропасти. Между тѣмъ сумерки смѣнились ночьюю темнотою, гроза приближалась, а дождь, все усиливаясь, обратился въ ливень. Продолжать путь верхами оказалось невозможнымъ, и мы были рады попавшейся намъ небольшой площадкѣ, на которой и спѣшились. Мы продолжали спускаться, каждый съ своею лошадью въ поводу. Мы были въ величайшемъ затрудненіи. Не видя передъ собою ни зги, мы двигались съ величайшею осторожностью, такъ какъ каждый невѣрный шагъ повлекъ бы за собою неминуемую гибель. Подаваясь впередъ, мы часто находились вынужденными спускаться ползкомъ, придерживаясь насколько возможно возвышавшейся по лѣвую сторону отвѣсной горной стѣны. Такъ продолжали мы шествіе въ теченіе пяти часовъ, пока, измученные и промокшіе до костей, не спустились въ Койсубулинское ущелье, которымъ, черезъ нѣкоторое время, и достигли Гимръ.

Въ аулѣ горѣли огни, хотя уже было за полночь. Я направился къ мѣстному наibu Исаль-Магомѣ, принявшему меня съ подобающимъ всѣмъ горцамъ гостепріимствомъ.

Будучи крайне утомленъ, я, само собою разумѣется, прежде всего подумалъ объ отдыхѣ,

но вѣжливость требовала побесѣдовать съ хозяиномъ и принять предложенный имъ ужинъ, который не замедлила принести сама хозяйка, разостлавъ предварительно на полу небольшую скатерть. Я былъ не прочь подкрѣпить свои силы и, не долго думая, усердно принялся за медъ, яйца и чуреки. Отъ похлебки же, послѣ первой ложки, отказался. Она состояла изъ сваренной въ молокѣ баранины съ примѣсью лука, чесноку и, если не ошибаюсь, сала. Сколько я могъ замѣтить, Исаль-Магома не мало былъ удивленъ моимъ отказомъ; но что дѣлать: кулинарное искусство горцевъ на этотъ разъ оказалось безсильнымъ подчинить себѣ обоняніе и вкусъ Европейца.

Послѣ ужина я удалился въ кунакскую, гдѣ нашелъ не роскошную, но чистую и удобную постель. Я бросился въ объятія Морфея и уснулъ за-мертво.

Графъ Евдокимовъ.

На слѣдующее утро, простившись съ хозяиномъ и подаривъ его женѣ горсть мелкой серебряной монеты, я выѣхалъ въ Унцукуль.

Гимринскій спускъ, одинъ изъ труднѣйшихъ въ Дагестанѣ, не представлялъ однако же еще тѣхъ препятствій, съ которыми вообще на Кавказѣ приходилось бороться нашимъ войскамъ. Эти именно условія мѣстности съ одной стороны, а съ другой — разнообразіе климата и самое время года всегда входили въ соображеніе при снаряженіи нашихъ экспедицій. Такъ, напр., въ Чечнѣ преобладаютъ лѣса,

... . которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни челобѣка
Веселый глазъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще дневной лучъ не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ....

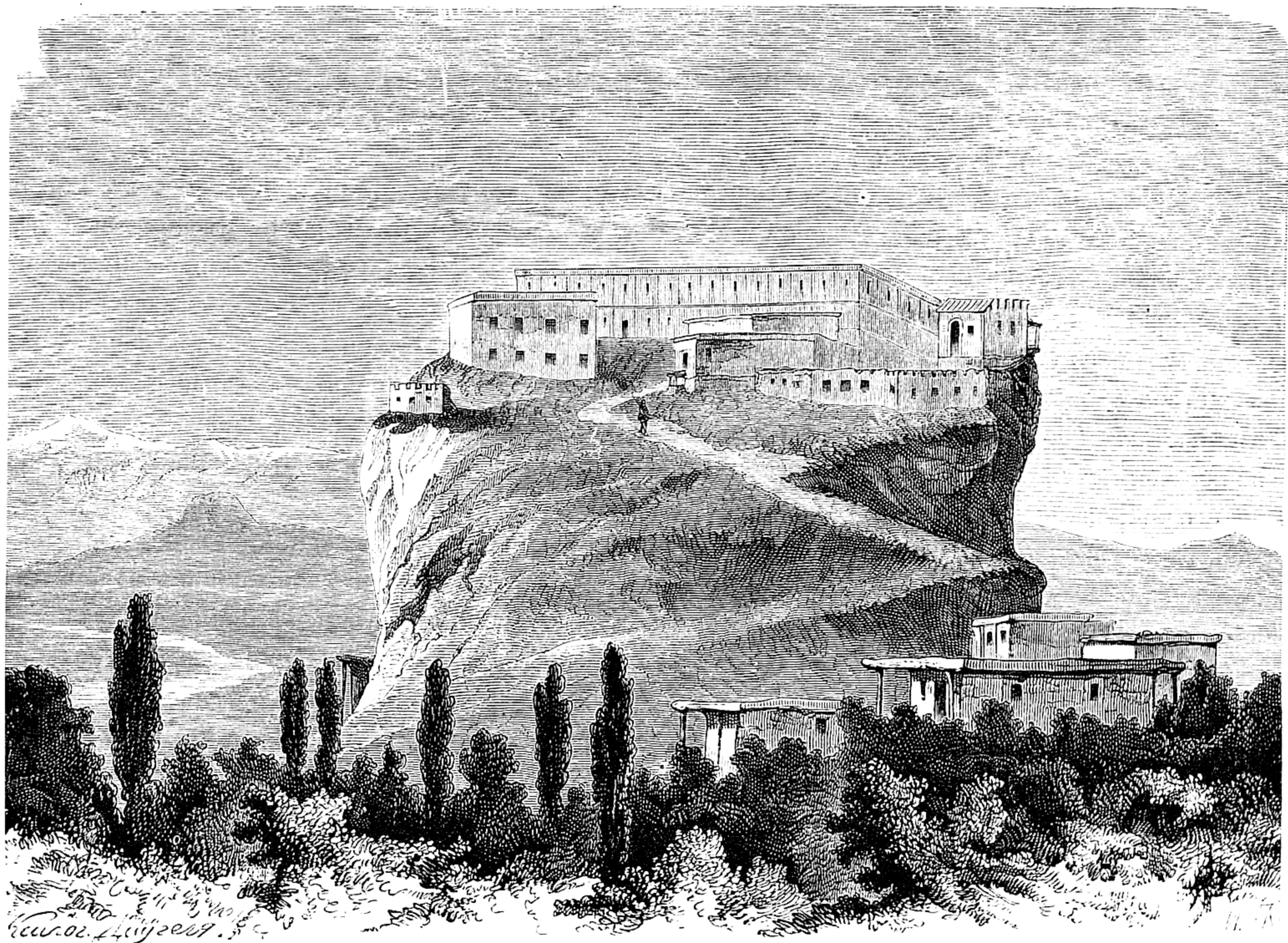
(Жуковскій).

Здѣсь дѣйствія начинались преимущественно зимою, когда спадаютъ съ деревьевъ листья; въ безлѣсномъ же и скалистомъ Дагестанѣ, напротивъ, съ середины лѣта, когда съ горъ окончательно сходитъ снѣгъ и когда повсюду являющийся въ изобиліи подножный кормъ дѣлаетъ возможнымъ пребываніе войскъ на горахъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію слишкомъ полувѣковой борьбы съ горцами, обратимся къ дѣйствіямъ нашимъ въ предѣлахъ Кавказа въ первыя времена существованія Руси. Древнѣйшія лѣтописи наши, между прочимъ, передаютъ, что еще Святославъ, разбивъ Ясовъ и Косоговъ, утвердился на берегахъ Кубани; тамъ же господствовалъ Мстиславъ Удалой, громившій царство Хазаровъ въ Крыму. Но за этими первыми успѣхами звукъ нашего оружія на Кавказѣ смолкъ, такъ какъ въ то самое время, когда римское вліяніе еще преобладало на Черномъ морѣ и сѣверо-восточные берега его покрывались цвѣтущими колоніями Генуэзцевъ, Русь, раздраемая междоусобіями удѣльныхъ князей, испытывала на себѣ всѣ ужасы монгольскаго владычества. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до Іоанна III. Въ 1552 году, пятигорскіе Черкесы подпали подъ порковительство Іоанна Грознаго, вступившаго въ бракъ съ дочерью ихъ князя Темрюка. Такое сближеніе съ Россіей обошлось, однако же, дорого Кабардинцамъ: разбитые въ 1570 году крымскими Татарами, они не скоро освободились изъ-подъ ихъ ига.

При Феодорѣ Іоанновичѣ русскій отрядъ, предводимый воеводами Хворостиннымъ и Засѣкинскимъ, появился на берегахъ Сулака и овладѣлъ селеніемъ Тарку. Но уже въ 1604 году Турки соединившись съ Кумыками и Лезгинами, вынудили князя Владиміра Долгорукова уйти моремъ въ Терскій городокъ и разбили подъ Тарку Бутурлина и Плещеева, причемъ уничтожили отрядъ нашъ въ 7,000 ратниковъ. Эта несчастная для насъ битва на цѣлыя 118 лѣтъ уничтожила слѣды русскаго владычества въ Дагестанѣ.

Въ 1722 году Петръ Великій, въ своихъ дальновидныхъ заботахъ о будущности Россіи, которую думалъ связать торговымъ путемъ съ крайнимъ Востокомъ, предпринялъ походъ на западный берегъ Каспійскаго моря. Походъ этотъ кончился полнымъ успѣхомъ: трактатомъ 1723 года Персія признала за нами весь берегъ Каспійскаго моря вплоть до самаго Астрабада. Но великая мысль Петра не была понята его преемниками. Въ 1735 году императрица Анна Іоанновна возвратила Персіи завоеванныя провинціи. Эта добровольно прерванная связь наша

Кафыръ-Кумыкъ.

съ Дагестаномъ возобновилась сама собою, такъ какъ въ 1786 году шамхаль Тарковский Муртузали и ханъ Мехтулинскій отдались Россіи.

Одновременно съ дѣйствіями въ Дагестанѣ мы не упускали изъ виду и смежныхъ съ нимъ земель на сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ еще въ 1718 году основали Кизляръ. Въ особенности было обращено вниманіе на Чеченцевъ, которыхъ имя впервые встрѣчается на страницахъ отечественной исторіи въ 1708 году, въ договорной статьѣ калмыкскаго Аюки-хана, учиненной на рѣкѣ Ахтубѣ съ астраханскимъ губернаторомъ Петромъ Апраксинымъ. Изъ экспедицій, предпринимавшихся въ то время въ землю Чеченцевъ, между прочимъ, извѣстны походы донскихъ

казаковъ въ 1718 и 1722 годахъ на Сунжу и Аргунъ и дѣйствія нашихъ регулярныхъ войскъ въ тѣхъ-же мѣстахъ въ 1758 году.

Въ 1763 году мы заложили городъ Моздокъ, связавъ его тогда же военною линіею съ Кизляромъ. Но мѣра эта мало насъ обезпечила противъ Чеченцевъ, продолжавшихъ вторгаться въ наши предѣлы и грабить мирныхъ жителей. Для прекращенія враждебныхъ отношеній къ намъ, былъ отправленъ, въ 1770 году, противъ Чеченцевъ генераль де-Медемъ, но, спустя 15 лѣтъ, Чечня, взволнованная шейхомъ Мансуромъ, снова возстала.

Обращаясь къ западному Кавказу, мы находимъ, что тамъ вліяніе крымскихъ Татаръ на Черкесскія племена, постепенно утрачиваясь, особенно ослабѣло послѣ Куйчукъ-Кайнарджійскаго мира (1774 г.), отдавшаго намъ Кабарду и признавшаго независимость кубанскихъ Татаръ. Въ 1783 году военная линія отъ Моздока была проведена до рѣки Кубани, установленной границею между Россіею и азіатскими владѣніями Турціи, а нѣсколько лѣтъ спустя, трактатомъ въ Яссахъ (1791 г.) Россія признала Закубанцевъ подданными Порты Оттоманской, хотя сами они отвергали эту зависимость. На сѣверномъ берегу Чернаго моря Турція удержала Суджукъ-кале и Анапу; послѣднею, взятою нами въ 1791 и 1807 годахъ и снова возвращенною въ 1812 году, она въ особенности дорожила. Между тѣмъ разбой и грабежи Черкесовъ не только не утихали, но постоянно усиливались, несмотря на частыя экспедиціи наши въ ихъ землю. Въ видахъ прекращенія такихъ беспорядковъ и обузданія своеволія Закубанцевъ, тогдашній херсонскій военный губернаторъ герцогъ де-Ришелье задумалъ привязать ихъ къ Россіи путемъ цивилизаціи. Слѣдствіемъ такой мѣры было устройство вдоль рѣки Кубани цѣпи мѣновыхъ дворовъ, въ которыхъ производился обмѣнъ хлѣба, соли и другихъ потребностей на мѣстныя произведенія горцевъ. Въ 1827 году считалось 6 мѣновыхъ дворовъ. Съ тою же цѣлью сближенія нашего съ Черкесскими племенами было устроено въ Керчи особое управленіе подъ руководствомъ статскаго совѣтника Скасси; но ни это управленіе послѣ семилѣтняго его существованія, ни мѣновые дворы цѣли не достигли и кончились полной неудачей. Черкесы же остались вѣрны своимъ наклонностямъ. Въ особенности вражда ихъ противъ насъ усилилась послѣ осады Анапы княземъ Меншиковымъ, въ 1829 году.

Съ этого времени въ землю ихъ постоянно предпринимались движенія, изъ которыхъ замѣчательны и памятны экспедиціи генерала Вельяминова. Цѣлью ихъ было шагъ за шагомъ вдаваться въ Закубанье, чтобы, стѣсня горцевъ военными поселеніями, изолировать ихъ отъ всякаго сообщенія съ другими державами. Въ первую экспедицію, предпринятую въ сентябрѣ 1834 года, генераль Вельяминовъ успѣлъ установить путь между Кубанью и Геленджикомъ, съ которымъ существовало только морское сообщеніе. Это былъ первый переходъ Русскихъ черезъ главный хребетъ на западномъ Кавказѣ. Подобныя же экспедиціи были предпринимаемы въ 1835 и 1836 годахъ. Въ 1837 году тогдашній корпусный командиръ баронъ Розень, послѣ покоренія Цебельды, занялъ на восточномъ берегу Чернаго моря мысъ Адлеръ (здѣсь погибъ Марлинскій) и возвелъ на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе Св. Духа. Съ этого собственно времени начинается устройство Черноморской береговой линіи, предпринятой въ видахъ прекращенія свободнаго сообщенія Турціи съ горцами и уничтоженія торговли черкесскими невольницами, такъ выгодно сбывавшимися на главныхъ рынкахъ мусульманскаго Востока. Въ концѣ 1830-хъ годовъ были построены укрѣпленія Навагинское, Тенгинское, Головинское, Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское, славное въ военной лѣтописи геройскою защитою и гибелью гарнизона въ мартѣ 1840 года, и пр. Черноморская береговая линія существовала до войны нашей съ союзными державами въ 1853 году.

На восточномъ Кавказѣ дѣла наши въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго столѣтія находились въ иномъ положеніи. Походъ графа Зубова, отправленнаго императрицею Екатериною въ 1796 году противъ Персіи, хотя имѣлъ послѣдствіемъ изъявленіе покорности Табасаранью и ханствами Дербентскимъ, Кюринскимъ и Кубинскимъ, но, съ отозваніемъ нашей

арміи, горцы снова возстали, увлеченные враждебными отношеніями къ намъ Шейхъ-Али-хана Дербентскаго. Съ тѣхъ поръ положеніе наше становилось годъ отъ году затруднительнѣе и только А. П. Ермолову, назначенному въ 1816 году корпуснымъ командиромъ, удалось послѣ цѣлаго ряда блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ въ 1818 и 1819 годахъ, снова смирить Дагестанъ и упрочить въ немъ наше вліяніе. Не менѣе удачно Ермоловъ дѣйствовалъ на западномъ Кавказѣ и въ Чечнѣ, которая долго будетъ помнить экспедицію 1826 года и славныя дѣла наши при Алдѣ, Гехи, Герменчукѣ и другихъ аулахъ, сдѣлавшихся жертвою нашего оружія.

Съ назначеніемъ на Кавказъ въ мартѣ 1827 года графа Паскевича, дѣла наши въ Дагестанѣ приняли другой оборотъ и вовлекли насъ въ новую войну съ горцами, которая продолжалась безъ перерыва слишкомъ 30 лѣтъ.

Въ то самое время, когда Россія побѣдоносно выходила изъ борьбы съ Турціей, въ глубинѣ Дагестана стало развиваться религіозное ученіе мюридизма. Слѣды его существовали тамъ еще въ концѣ XV вѣка, а въ началѣ нынѣшняго мюридизмъ сдѣлался общей идеей горцевъ, благодаря тайнымъ сообщеніямъ Дагестанцевъ съ духовными лицами Малой Азіи и Турціи, а также Бухаріи и Туркестана. Съ 1830 года мюридизмъ принялъ характеръ политическій. Первымъ распространителемъ его явился Кази-мулла, родомъ изъ Гимръ, начавшій свои проповѣди еще въ 1828 и 1829 годахъ.

Усилившись въ Дагестанѣ, онъ выступилъ противъ Русскихъ, но на первыхъ порахъ безуспѣшно, потерпѣвъ пораженіе подъ Бурной и Внезапной. Такъ же неудачно кончились его дѣйствія подъ Дербентомъ, который онъ 8 дней держалъ въ блокадѣ. Когда-же, вслѣдствіе принятыхъ нами энергическихъ мѣръ, генералу Панкратьеву удалось смирить Кайтагцевъ и разбить Амалатъ-бека Кумтеркалинскаго, а генералу Вельяминову взять Чиръ-юртъ, Кази-мулла бросился къ Кизляру, который сжегъ и разграбилъ. Оттуда онъ прибылъ въ Чукмескентъ, но разбитый здѣсь полковникомъ Миклашевскимъ и вскорѣ затѣмъ (въ 1832 году) полковникомъ Кругенау на урочищѣ Эльсутѣ, онъ бѣжалъ въ Гимры, куда за нимъ послѣдовалъ генералъ Вельяминовъ, взявшій аулъ послѣ 4-часоваго кровопролитнаго боя, въ которомъ самъ Кази-мулла былъ убитъ. Такъ кончилъ жизнь первый имамъ Дагестана. Преемникомъ его былъ Гамзатъ-бекъ (родомъ изъ Новаго Гоцатля). Упрочивъ свою власть, онъ тотчасъ же выступилъ противъ Нуцаль-хана Аварскаго, котораго ненавидѣлъ за его сношенія съ Русскими, и, истребивъ почти всю его фамилію, побѣдоносно вступилъ въ Хунзахъ. Но здѣсь противъ него составился заговоръ, котораго онъ палъ жертвою. Гамзатъ убитъ 19-го сентября 1834 года. Ему наследовалъ Шамиль.

Шамиль (въ переводѣ съ арабскаго «*всеобъемлющій*»), есть одно изъ 110 именъ Бога), сынъ Динкау, родился въ Гимрахъ, въ 1797 году. Онъ былъ любимымъ ученикомъ Кази-моллы. Подробности его жизни до 1832 года намъ неизвѣстны. Знаемъ только, что онъ 12 лѣтъ сталъ посѣщать школу, 20-ти — кончилъ курсъ грамматики, логики и риторики и приступилъ къ слушанію философіи, толкованія корана, преданій и законовѣдѣнія у лучшихъ преподавателей этихъ наукъ въ Аваріи. Затѣмъ онъ перешелъ къ извѣстному тамошнему Хаддису, у котораго слушалъ тарыкатъ, а 27 лѣтъ началъ посѣщать лекціи Джемаль-удъ-Дина Кумыкскаго, которымъ былъ порученъ будущему имаму Кази-муллѣ.

По первому извѣстію о смерти Гамзата, Шамиль бросился въ Новый Гоцатль, овладѣлъ казною своего предшественника и объявилъ себя имамомъ. Тамъ же онъ приказалъ сбросить со скалы Булачь-хана, послѣдняго представителя Аварскаго дома. Изъ Гоцатля Шамиль, разбитый нашими войсками, бѣжалъ въ Кахъ. Несмотря, однакоже, на это пораженіе, вліяніе его замѣтно возрастало, что и заставило генерала Фезе занять въ 1837 году Аварію. Шамиль находился тогда въ Тилитѣ. Окруженный въ этомъ аулѣ нашимъ отрядомъ, онъ вступилъ въ переговоры съ нами, поклявшись на коранѣ не вооружать болѣе противъ насъ горцевъ и распустить свое скопище. Но едва войска наши удалились въ Кубинскій уѣздъ, по случаю воз-

нившихъ тамъ безпорядковъ, какъ онъ измѣнилъ слову и, собравъ новыя скопища, укрѣпился въ Ахульго (въ Койсубулинскомъ обществѣ).

Наступилъ 1839 годъ, памятный экспедиціями: генерала Головина въ южный Дагестанъ, усмирившаго населенія по Самуру, и генерала Граббе, разбившаго горцевъ при Буртунаѣ и Аргуни и взявшаго Ахульго. Потерпѣвъ неудачу, Шамиль рѣшился оставить Дагестанъ и въ мартѣ 1840 года, съ 500 мюридами и извѣстнымъ Ахверды-Магомой, ушелъ въ Чечню, гдѣ поселился въ Дарго, расположенномъ въ дремучемъ лѣсу. Чеченцы, ожесточенные противъ насъ за попытку ихъ обезоружить, были рады его появленію и охотно ему предались.

Шамиль.

Но вліяніе, утраченное Шамилемъ на Лезгинъ, вскорѣ снова стало возрастать и даже съ большею противъ прежняго силою, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ посланныхъ имъ въ Дагестанъ набовъ Кибитъ-Магомы, Абакаръ-кадія, Уллу-бея и Хаджи-Мурата. Въ 1842 году онъ уже открыто дѣйствовалъ противъ насъ въ Казикумухскомъ ханствѣ, призванный туда измѣнившимъ намъ населеніемъ. Впрочемъ, пребываніе его тамъ продолжалось недолго, такъ какъ послѣ разбитія его княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ подъ Кюлюли и Кумухомъ, онъ долженъ былъ очистить ханство. Менѣе успѣшны были наши дѣйствія на сѣверѣ Андійскаго хребта, гдѣ генералъ Граббе, углубившись въ Ичкеринскіе лѣса, встрѣтилъ столь сильный отпоръ со стороны Шуанбъ-муллы, что долженъ былъ возвратиться въ Герзель-ауль, потерявъ 489 убитыми и 1,296 ранеными.

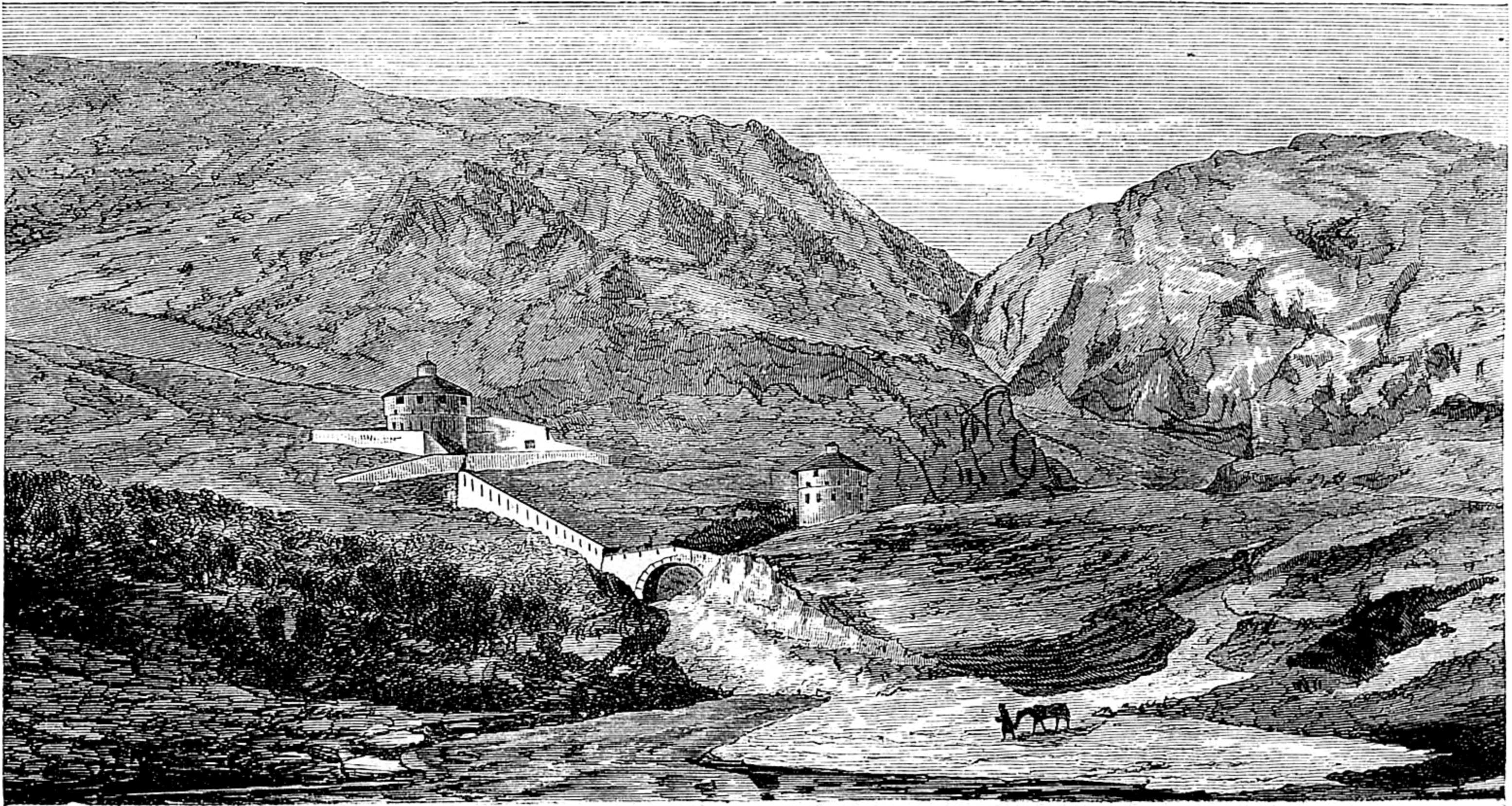
Послѣ этой злополучной для насъ экспедиціи, Шамиль сталъ дѣйствовать съ большею увѣренностью и рѣшительностью. Оставивъ въ августѣ 1843 года Дарго, онъ отправился въ Дылымъ (въ Салатавін), откуда двинулся къ Унцукулю, занятому ротой Апшеронскаго полка въ 170 человекъ.

Ауль былъ взятъ, а гарнизонъ перерѣзанъ. Та же участь постигла селеніе Харачи, укрѣпленіе Белаканское, Цатаныхъ, Танусъ, Ахальчи и Гоцатль.

Шамиль, получивъ извѣстіе о послѣднемъ дѣлѣ и о движеніи князя Аргутинскаго къ Танусу и Геничутлю, остановился у Моксоха, откуда двинулся къ Чиркату и Дыльму, угрожая

Кумыкской плоскости и шамхальству, а 30-го сентября напалъ на Андрееву деревню. Но отбитый здѣсь полковникомъ Козловскимъ, отступилъ къ Акташъ-аулу и распустилъ свои скопища. 28-го октября онъ взялъ Гергебиль, причемъ гарнизонъ нашъ, состоявшій изъ 400 штыковъ, послѣ 12-ти дневной упорной защиты, былъ истребленъ. Слѣдствіемъ этого дѣла было приказаніе подполковнику Пассеку отступить изъ Аваріи.

Около половины ноябрю генералу Фрейтагу, послѣ выручки Низоваго укрѣпленія, находившагося 8 дней въ блокадѣ, удалось освободить изъ такого же положенія Темиръ-Ханъ-шуру, а отряду, отправленному на соединеніе съ Пассекомъ, разбить Шамиля подъ Муселимъ-ауломъ, Большими Казанищами и Кафырь-Кумыкомъ. Такъ кончился походъ 1843 года. Общая потеря наша съ 27-го августа по 22-е декабря состояла изъ убитыхъ и раненыхъ оберъ и штабъ-

Укрѣпленіе Чуркей въ Дагестанѣ.

офицеровъ 76 и 2,308 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ взято въ плѣнъ 10 офицеровъ и 312 нижнихъ чиновъ).

Въ эту именно кампанію Шамиль выказалъ всю могучесть своего таланта и закрѣпилъ за собою право стать на ряду съ первостепенными восточными военными знаменитостями. Вырвавъ изъ рукъ нашихъ весь почти Дагестанъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ насъ того вліянія на горцевъ, котораго мы достигли громадными пожертвованіями и усиліями многихъ десятковъ лѣтъ.

Не менѣе успѣшно Шамиль дѣйствовалъ въ 1845 году. Экспедиція, предпринятая графомъ Воронцовымъ въ Дарго, извѣстная подъ именемъ «сухарной», стоила намъ громадныхъ жертвъ. Въ ней мы лишились, между прочимъ, извѣстнаго генерала Пассека. Въ послѣдующіе годы мы были болѣе счастливы и нерѣдко наносили этому грозному владыкѣ горъ сильныя пораженія, какъ, напр., въ 1846 г. — княземъ Бебутовымъ при Кутиши, въ 1847 г. — княземъ Аргутинскимъ у Салтинскаго моста (Кибитъ-Магомъ); 1848 годъ ознаменовался взятіемъ Гергебиля и геройскою защитою Ахтовъ (полковникъ Ѳ. Ф. Ротъ); 1849 — покореніемъ чеченскихъ племенъ Карабулаковъ и Галашевцевъ; 1851 г. — разбитіемъ Шамиля на высотахъ Турчидага и пр. Но, нанося столь сильныя пораженія горцамъ, мы нерѣдко также претерпѣвали неудачи, сопря-

женныя съ болѣе или менѣе чувствительными потерями. Особенно памятенъ въ этомъ отношеніи 1854 годъ, когда Шамиль, воспользовавшись тогдашнею войною нашею съ союзными державами, вторгся въ Кахетію и произвелъ въ ней сильное опустошеніе.

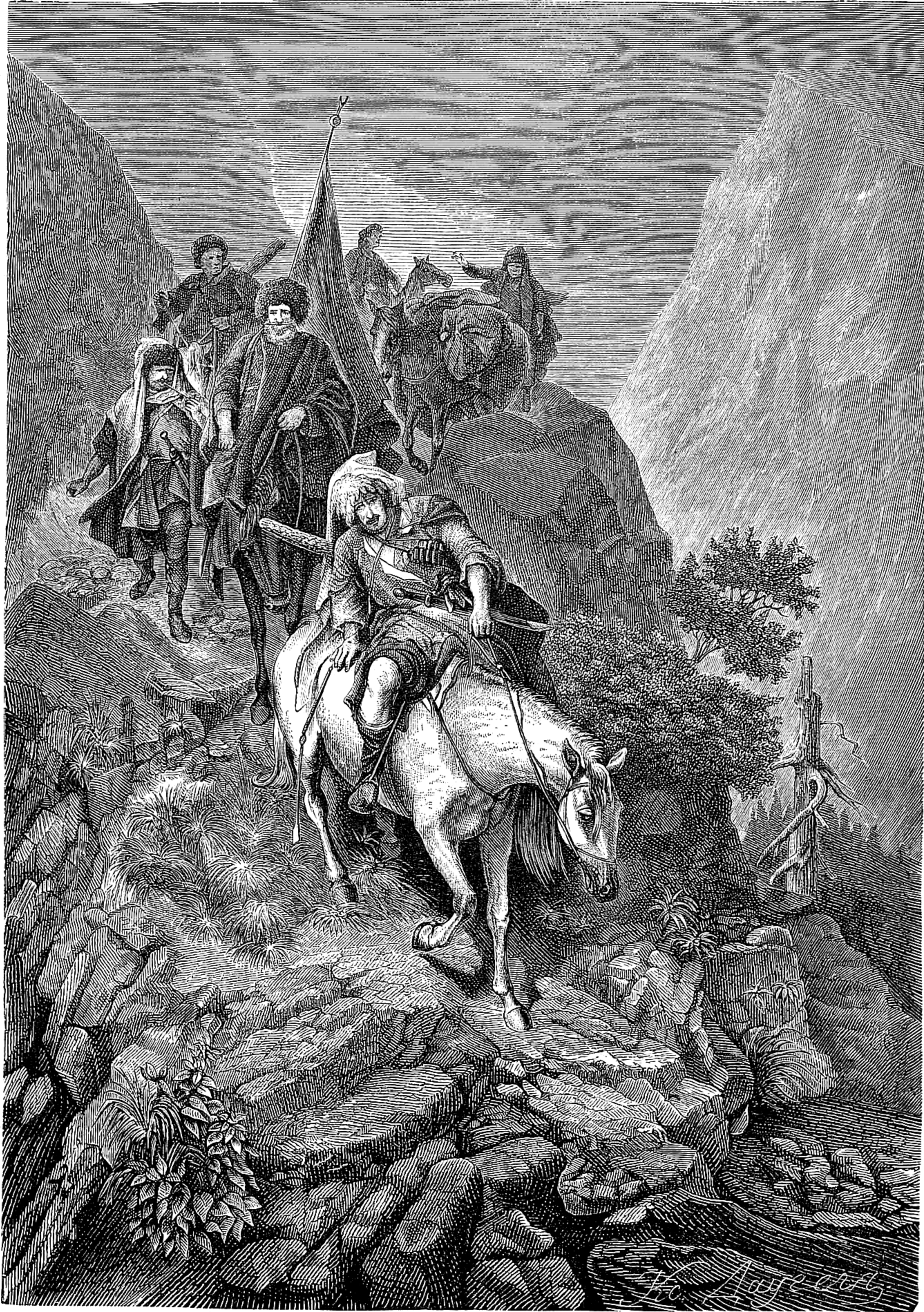
Съ назначеніемъ на Кавказъ, въ 1856 году, князя А. И. Барятинскаго, война наша съ Шамилемъ приняла характеръ рѣшительный, и дѣйствія наши отличались такимъ успѣхомъ и быстротою, что за ними было трудно слѣдить. Они начались со стороны Чечни и велись генераломъ Евдокимовымъ, главнымъ исполнителемъ предначертаній новаго намѣстника. Перечислимъ только главные факты, предшествовавшіе окончательному замиренію восточнаго Кавказа.

Послѣ первыхъ движеній и утвержденія нашего въ 1857 г. въ Салатавін, въ концѣ этого года и въ началѣ слѣдующаго, бѣльшая часть Чеченцевъ изъявила намъ безусловную покорность. Шамиль же, разбитый при Мескинъ-Дукѣ, Ачхоѣ и на Варандинскихъ высотахъ, сосре-

Джигитовка.

доточилъ главныя силы свои въ Ведено. Одновременно съ этимъ, присягнули на вѣрность Россіи Анцухъ и Капуча, а въ 1859 году ихъ примѣру послѣдовали Ичкеринцы и Ауховцы. Съ отпаденіемъ названныхъ обществъ, замѣтно ослабѣла и власть грознаго имама. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда князь Барятинскій, прибывъ въ Чечню, принялъ на себя главное командованіе дѣйствовавшими войсками. Съ паденіемъ Ведено, Шамиль бѣжалъ въ нагорный Дагестанъ. Но преслѣдуемый и тамъ наступающими на него тремя отрядами: Чеченскимъ, подъ начальствомъ генерала Евдокимова, Дагестанскимъ, предводимымъ генералъ-адъютантомъ барономъ Врангелемъ, и Лезгинскимъ, двинувшимся изъ Закаталь черезъ Дидойское общество подъ начальствомъ князя Левана Меликова, — онъ ушелъ на Гунибъ — послѣдній оплотъ, въ которомъ думалъ удержать отъ распадѣнія остатки своего могущества. Но здѣсь судьба Шамилля была рѣшена. 25-го августа 1859 года, въ 3½ часа пополудни, онъ предсталъ передъ княземъ Барятинскимъ, вручивъ дальнѣйшую свою судьбу милосердію Русскаго Императора.

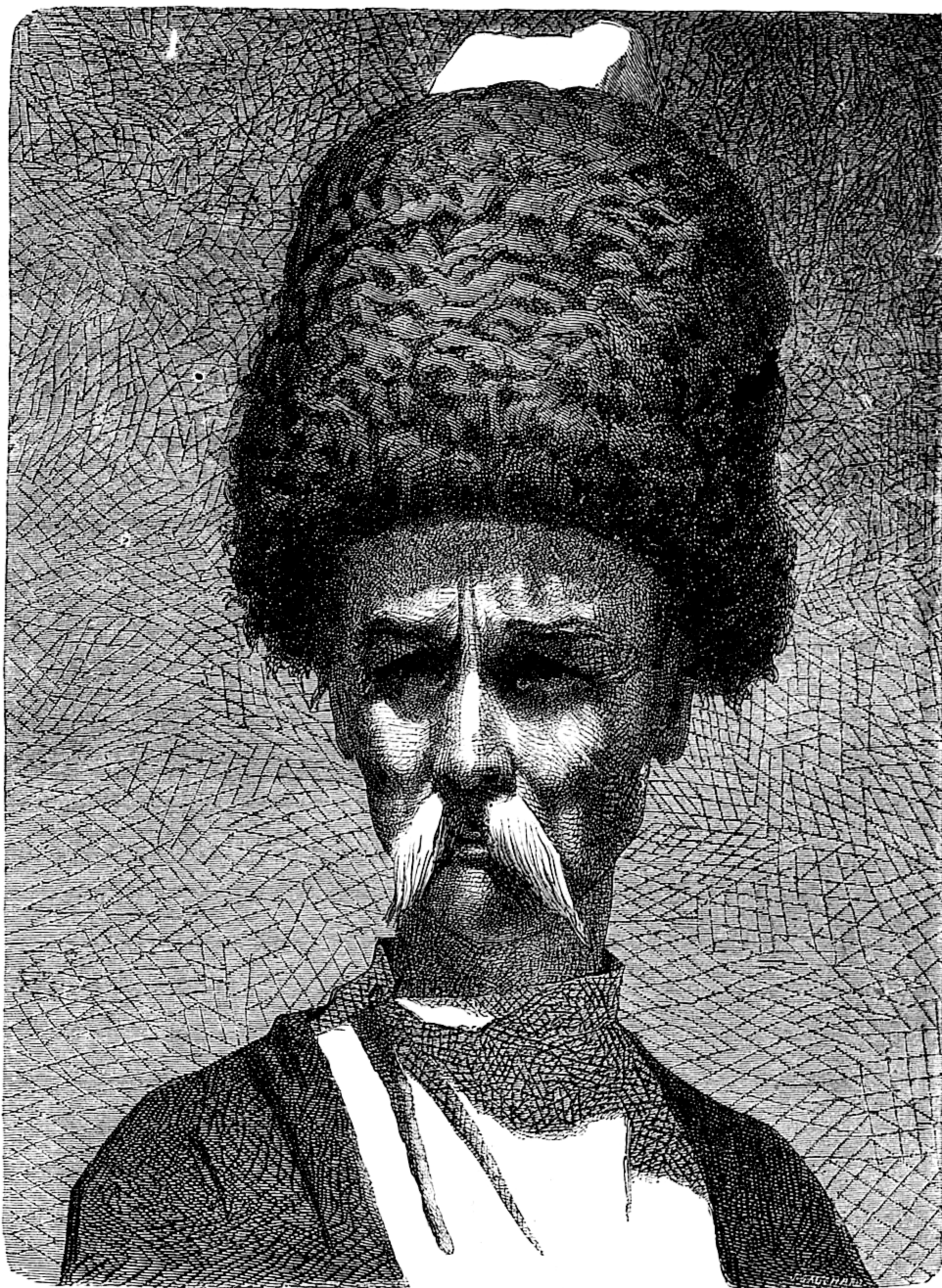
2-го сентября онъ оставилъ Дагестанъ и выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Калугу, гдѣ оставался до разрѣшенія выѣхать въ Турцію. Шамиль скончался въ 1870 году въ Мединѣ и тамъ же преданъ землѣ.

Такъ кончилась война въ Дагестанѣ и Чечнѣ, благодаря неимовернымъ трудамъ, усиліямъ и самоотверженію русскихъ войскъ, — тѣхъ самыхъ войскъ, о которыхъ Шамиль еще весною 1846 года, за нѣсколько времени до своего вторженія въ Кабарду, выразился, обратившись къ мюридамъ:

«Я отдалъ бы всѣхъ, сколько васъ есть, за одинъ изъ полковъ, которыхъ такъ много у Русскаго вѣнценосца; съ однимъ только отрядомъ русскихъ солдатъ, весь міръ былъ бы у ногъ моихъ и всѣ люди преклонились бы предъ единымъ Аллахомъ, котораго Мухаммедъ есть пророкъ, а я, вашъ имамъ, единственный избранныкъ.»

Послѣ покоренія восточнаго Кавказа, все наше вниманіе сосредоточилось на закубанскихъ народахъ, которыхъ положеніе вслѣдствіе того совершенно измѣнилось. Съ этихъ поръ они были предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ воинственное населеніе Чечни и Дагестана уже болѣе не отвлекало нашихъ силъ, а надежды на внѣшнюю помощь со стороны Турціи не было никакой. Сознавая свое изолированное положеніе, Закубанцы тѣмъ не менѣе, не желая дешево разстаться съ своею независимостью, рѣшились на отчаянную борьбу. И здѣсь, какъ въ Чечнѣ, руководителемъ нашихъ экспедицій явился графъ Евдокимовъ. Дѣйствуя съ свойственною ему энергіею и настойчивостью, онъ быстро и съ большимъ успѣхомъ подвигался въ своемъ побѣдоносномъ шествіи. Примѣру Бжедуховъ, Темиргоевцевъ, Бесленѣевцевъ и другихъ племенъ, изъявившихъ покорность еще въ 1859 году, послѣдовали въ 1860 году Натухайцы и общество Пеху.

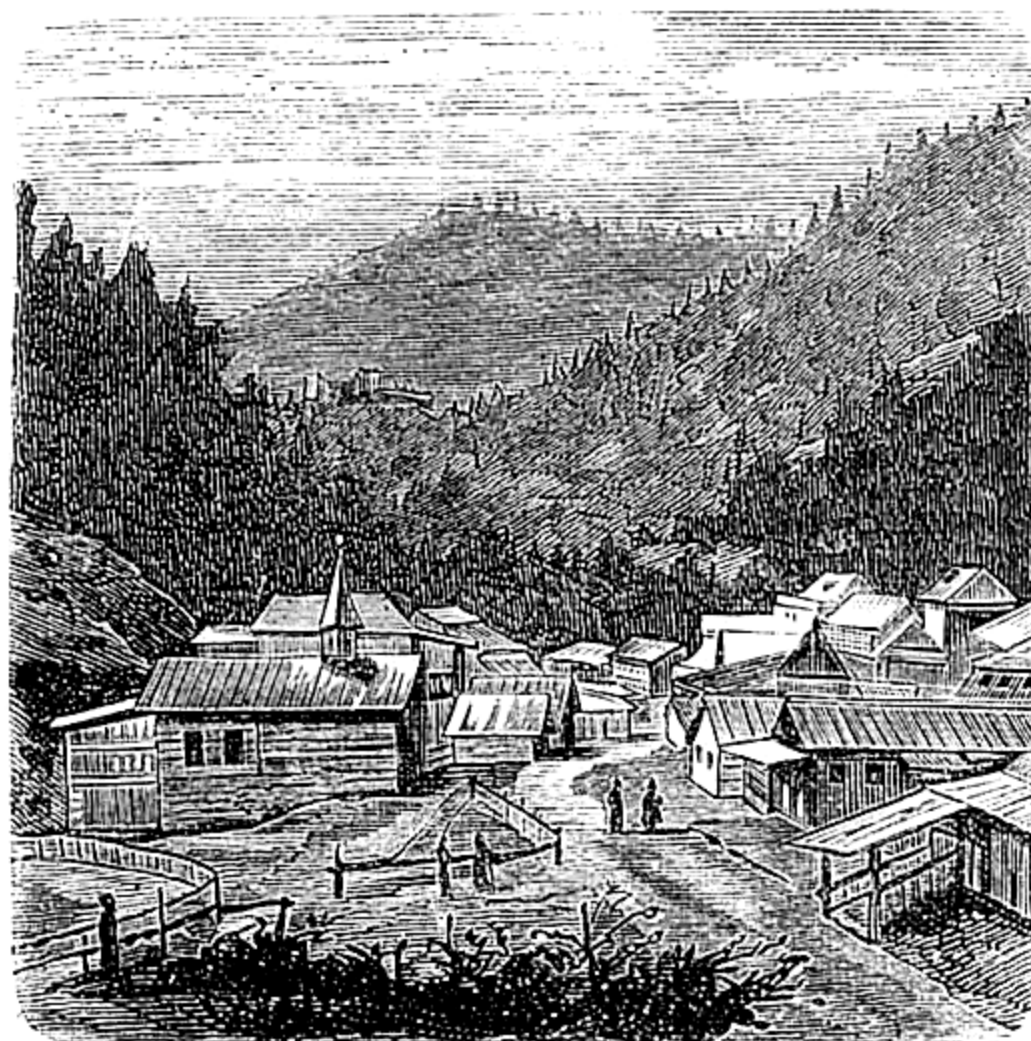
Сдѣланная горцами попытка войти съ нами въ соглашеніе на счетъ прекращенія борьбы, не имѣла успѣха. Съ нашей стороны поставлено было требованіе безусловной покорности и выселенія на плоскость. Горцы отвергли предложенныя нами условія, и дальнѣйшую участь Закубанцевъ должна была рѣшить война. Она продолжалась съ прежнею съ нашей стороны настойчивостью до 21-го мая 1864 года. Это день покоренія западнаго Кавказа и окончанія Кавказской войны.

Леэгишець.

Прямымъ послѣдствіемъ этого событія, ознаменовавшаго время командованія на Кавказѣ Августѣйшаго Намѣстника, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, было выселеніе горцевъ въ Турцію. Подробное и обстоятельное описаніе его составляетъ предметъ особаго, весьма сложнаго труда, а потому скажемъ здѣсь коротко, что выселеніе горцевъ, какъ военная и политическая мѣра, началась официально въ 1862 г., въ дѣйствительности же — вслѣдъ за усилившимися военными дѣйствіями на сѣверномъ Кавказѣ послѣ Крымской войны. Выселилось черезъ порты Чернаго моря съ 1858 года по 1865 годъ 470,753 человекъ; включая сюда 22,491 человекъ горцевъ, ушедшихъ изъ Большой и Малой Чечни, получаемъ 493,244 человекъ переселенцевъ.

Ад. Берге.

Абастумасъ.